АЗБУКА ВЕРЫ

протоиерей Андрей Лоргус

Книга о счастье

Православный портал «Азбука веры» 2026

Книга о счастье

протоиерей Андрей Лоргус

Автор «Книги о счастье» Андрей Лоргус - православный священник и одновременно - практикующий психолог, ректор Института христианской психологии. Уже только поэтому интересно прочитать то, что он пишет. В этой книге отец Андрей взялся за рискованную тему, в которой каждый может считать себя специалистом. Однако счастливы далеко не все. В чем же проблема? В книге автор не предлагает «рецептов счастья». Вместе с читателем он ставит вопросы, размышляет, делится своим опытом, ищет дорогу к счастью, помогает разгрести завалы мифологии, стереотипов и ложных представлений на этом пути. Вне Церкви, вне Пасхальной радости отец Андрей не мыслит счастья. Однако он адресует книгу не только христианам, но и всем, кто задумывается о фундаментальных жизненных вопросах.

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС 13-318-2428

Почему я взялся писать о счастье? Вместо предисловия

Счастье для меня никогда не было целью и смыслом жизни. Но я всегда знал, что оно есть. А теперь, исполняя свое призвание, как священник и психолог, я хочу помочь людям быть счастливыми. Просто я верю, что каждый человек может быть счастливым. И если мой труд поможет в этом человеку, значит, он был не напрасен.

Я не собирался писать о счастье, ведь книжек про это так много, что добавить к ним еще одну едва ли нужно. Но вопросы о счастье, которые мне задавали и в храме, и в беседах, и на консультациях, меня взволновали. Оказалось, что христианского ответа на вопрос о счастье ждут многие, не только христиане. Люди обращаются с жизненным вопрошанием к Библии, к философии, к Будде, к старцам, к гуру, к целителям и знахаркам. И вопрошание это - именно про счастье, про те надежды и мечты, которые ведут к счастью: любовь, здоровье, благополучие, чистая совесть и познание мира. Люди ищут счастья или того, что им называют. Оказалось, что от положительного ответа на вопрос о счастье может зависеть

жизнеутверждающая стратегия многих людей. И наоборот, отрицание счастья может привести многих в уныние, пессимизм и депрессию. Оказалось, что духовная жизнь многих людей висит на волоске, и этот «волосок» - вера в счастье.

Как же случилось так, что вера в счастье имеет такую силу? Не иллюзия ли это? Возможно, иллюзия. Но моя задача - показать, что быть счастливым может КАЖДЫЙ! Каждый человек может БЫТЬ счастливым! Так я верю, и считаю, что этой верой можно поделиться. Для меня это значит - свидетельствовать о бытии.

Эта книжка - свидетельство о бытии, которое может быть для меня и для вас счастливым, несмотря на все горе мира: на болезни, страдания и смерть, ненависть, предательство и ложь. В этой книжке нет рецептов счастья. В ней нет технологии или упражнений, приводящих к счастью. Если вас интересует счастье как объект, который можно найти, купить, обрести, заслужить, выпросить или вымолить у Бога, тогда закройте эту книгу. Если вы убеждены, что жизнь - это трагедия, «крест» или тяжкое испытание, на которое обрекает Творец всякого человека, то эта книжка не для вас. Вам нет нужды ее читать, переубедить вас я не смогу.

Но если паче чаяния вы надеетесь на предстоящую вечную жизнь, на любовь и радость, то мы с вами поймем друг друга.

***

Про счастье уже известно все и всем. В книжном море можно найти и «Пошаговое руководство к счастью», и «7 секретов счастливого человека», и «Перст Судьбы как ключ к счастью» и многое подобное. Рынок счастья полон. А спрос велик и жажда горяча - люди страстно желают счастья! Они ищут и находят информацию, рецепты и технологии.

Жажда счастья - откуда такая страсть? Неужели без счастья нет жизни? Неужели счастье и есть смысл жизни? Как ни покажется кому-то странным, смысл жизни и счастье - эти понятия близки. Думаю даже, что они родня. И смысл, и счастье рождаются в душе человека. Душа дышит счастьем, радостью, блаженством. Без этого она просто задыхается, мучительно страдает и страстно ищет счастья везде: у родных и близких, друзей и знакомых, ищет в городе и в

деревне, на даче, в море, ищет на прилавках, ищет в религиях, в книгах, в психологии.

Психология, такая молодая, но в то же время и древняя наука (не забудем, что Платона с Аристотелем считают психологами), оказалась ответственной за современный «научный» ответ всем вопрошающим о счастье. С психологии теперь и спрос. Найдет психология «рецепт счастья» - оправдают ее, не найдет - скажут, что это не наука, а одно шарлатанство. Вот и придумывает психология «пошаговые руководства», «7 шагов» и прочие панацеи.

Не верьте! «Рецептов счастья» эта наука никогда не даст. В психологии нет такого раздела, не создано ни научно-исследовательских институтов счастья, ни даже маленькой кафедры счастья. Есть, правда, позитивная психология, но о ней позже.

О чем же рассказывают книги про счастье? Да о том, что «счастье так возможно, так близко» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»), о методах, внушениях, о гипнозе, об условиях. Не пишут только о смысле. Не пишут потому, что «смысл счастья» разрушит всякую технологию. А технологии счастья нет потому, что она не нужна. Зачем, например, описывать технологию бытия, если человек это бытие не принимает? Вопрос Гамлета «быть или не быть?» решается волевым усилием, а не технологией. Так и со счастьем: быть счастливым - это результат принятия решения. Если вы решаетесь, позволяете себе **быть** счастливым, то технология уже не нужна. Можно лишь «быть» или «не быть». Это решение, выбор.

Итак, от вас зависит - быть счастливым или нет. Только от вас. И если вы на это решились - значит, будете счастливым! Но какой в этом смысл? Смысл счастья - в ценности вашей души. Смысл счастья - во внутренней сокровищнице сердца, в бессмертном бытии. Смысл счастья намного превосходит земную жизнь человека. Поэтому устраивайтесь в этой жизни счастливо и надолго. Навсегда!

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» - так говорит Господь (Ин.14:27). Значит ли это, что Господь оставляет нам скорби, невзгоды, трагедии, болезни и смерть? Нет. Это означает, что Господь оставляет нас в мире и оставляет мир нам со всем, что в нем есть: радость с горем, счастье с трагедией, здоровье с болезнями и

жизнь со смертью. Все есть жизнь, и жизнь есть дар. Кто желает - принимает дар с благодарностью и живет. Кто не желает - существует как может.

Вот о чем наша книга - о том, как, принимая все стороны жизни, горькие и сладкие, быть счастливым. Как можно **позволить себе** быть счастливым? Как выстоять в счастье, не оставаясь лишь в падшем и земном, как жить перед Ликом Божьим, как ходить перед лицом Вечности? Если вы принимаете дар жизни и благодарите, то вы уже можете быть счастливы. Если вы открываете свое сердце счастью, то оно счастьем наполняется!

Счастье - не вещь, не состояние, достигаемое с помощью алкоголя или наркотиков. Счастье нельзя назвать лишь переживанием. Счастье - это сверхъестественная стратегия вашей жизни! Счастье - это то, как мы живем. Вот об этом мы и поговорим.

Многое в этой книге может показаться искушенному читателю неприемлемым, противоречащим его установкам. Но наш поиск и не обещает простоты и безусловного согласия. Мы можем рассуждать и спорить, аргументировать свою точку зрения, которая определяется традицией - осознанной и бессознательной, нашей историей, нашей верой. Нам предстоит выбрать тот путь, который нам угоден: путь веры, любви, жизни - путь Христа, ибо «в Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин.1:4).

Позитивная психология

Научное отступление в качестве вступления

Презумпция оптимизма

Вы слышали что-нибудь про позитивную психологию? Это направление достаточно успешно развивается в англоязычном мире, а у нас с ним пока только знакомятся, есть лишь отдельные авторы, которые развивают эту тему. В частности, профессор МГУ, доктор психологии Дмитрий Леонтьев уже выпустил несколько сборников о позитивной психологии и активно за нее борется. А бороться есть за что: в ней есть некая презумпция оптимизма, она близка гуманистическому сознанию в психологии. Именно в позитивной психологии есть вера в то, что человек может быть счастлив, если

говорить обыденным языком.

Позитивная психология началась с того, что критически отнеслась к незыблемым, казалось, основам, которые были заложены Фрейдом и его последователями. Корифеи психоанализа строили всю теорию личности на страдании, на комплексах, на неврозах и истерии. То есть это психология, которая представляла себе человека сквозь призму болезни. Нельзя сказать, что это неверный взгляд. Это лишь означает, что взгляд этот неполный, искаженный, потому что он сосредотачивается исключительно на изучении болезни.

В конце 1950-х - начале 1960-х годов в Америке возникла иная тенденция: ученые попытались построить психологию, основанную не на болезни, а на здоровье человека. Но, как и следовало ожидать, возникла серьезнейшая проблема: медикам и психологам предстояло договориться - а что же такое здоровье? Врачи очень хорошо знают, что такое болезнь, но вот норма? В психиатрии нет понятия «норма», оно весьма условно и выражается, скорее, через отрицание: норма - это не болезнь. Но так же и в психологии получается: здоровая личность - это не больная личность. А как определить здоровую личность положительно? И вот тут начинается совершенно новое поле для ученых, оно требует методологической оснастки, которой никогда еще не было. Пока мало кто понимает, как исследовать здорового человека, его мотивации, его трудности, кризисы, выбор путей развития и так далее... Оказалось, что это очень непросто. Огромные деньги выделяются на исследования заболеваний, но на исследования здорового человека никогда не выделяют деньги по одной простой причине: а зачем помогать здоровому, если он и так справляется? Ведь психология основана на понятии помощи. А кто нуждается в помощи? Ясное дело, человек с проблемами, с неврозами и прочими «отклонениями». А здоровому человеку зачем психолог? Теперь, я думаю, понятно, как непросто позитивной психологии (а мы говорим именно о ней) пробивать себе дорогу.

Установка на счастье

И вот в последние полвека ученые как-то пытались уловить и описать позитивный образ здорового человека. Выяснилось, что предмет для исследований, конечно, есть, и это само по себе отрадно. Прежде всего, фундаментальным понятием здесь принято считать

внутреннюю установку на счастье, на радость, на позитив, на успешность и так далее. Эту установку вкупе с ощущением внутренней силы можно выразить понятием «самоценность», как сделала это американский психолог Вирджиния Сатир. Данное ею определение показалось удачным, и сейчас оно активно используется и развивается.

Для христианского взгляда это очень близко, потому что мы можем обосновать понятие самоценности через понятие живой души. Вот эти библейские слова: «и стал человек душой живою» (Быт.2:7) - подталкивают нас к пониманию того, что каждый человек обладает неисчерпаемым источником энергии, любви, свободы и творчества. Это и есть тот мощный поток силы, которая движет всеми человеческими способностями и талантами, и она - от Бога. Это положение христианского сознания близко позитивной психологии.

Важно, что позитивная психология стремится рассматривать не просто здорового человека, а человека в целом. Тогда любая психическая патология может быть обратным отсчетом от психологии здорового человека. Науке, в том числе и психологии, часто не хватает целостного образа человека - такого образа, который станет «идеалом», представлением о том, каким *должен быть* человек. Такого образа классическая психология не знала. Это - психология возможного, как сказал профессор Д.А. Леонтьев. Добавлю: не только возможного, но и должного. В этом можно видеть сближение психологии и христианства.

Но никогда нельзя забывать, что мы исследуем человека, а человек - свободное существо. Он, если так можно выразиться, сам выбирает себя, вектор своего движения. И в этом смысле оптимизм и пессимизм - это стратегии, одну из которых человек свободно избирает. Каковы бы ни были внешние обстоятельства или врожденные особенности, все-таки, по большому счету, человек внутренне свободен. Он выбирает, как ему смотреть на известный стакан из притчи - как на еще наполовину полный или как на уже наполовину опустошенный; как к себе относиться - с точки зрения негатива или позитива? Поэтому, какую бы психологию мы ни строили, мы должны помнить о свободе, иначе мы теряем человека.

Что означают красивые слова?

Прежде чем говорить о таком всем известном и в то же время чрезвычайно загадочном феномене, как счастье, надо договориться о понятиях, которые используются в этой книге и которые кажутся очевидными. Но не все так просто...

Радость, удовольствие, удовлетворенность

Вот, например, такие знакомые всем вещи, как **удовольствие и радость**, - их часто ставят рядом, считают синонимами, путают одно с другим. А ведь удовольствие может быть лишено радости. Если мы внимательны к себе, мы знаем, что подобное происходит довольно часто. **Радость** — это внутреннее состояние, оно генерируется в нашей душе. Радость может существовать вне всякого источника удовольствия, но может, конечно, его и сопровождать. Когда эти два чувства соединяются вместе, это означает, что сама личность человека одухотворяет получаемое ею удовольствие.

Например, находясь за праздничным столом, мы можем соединить наслаждение разнообразными вкусовыми оттенками с ощущением братства, с молитвой, тостами и песнями, и тогда мы подлинно радуемся. Мы слышим в евангельских Заповедях блаженства слова: «Радуйтесь и веселитесь» (Мф.5:12), которые призывают человека к одухотворению даже самого простого и обыденного. Мы можем одухотворить еду, прогулки по лесу, игру с ребенком, секс, одухотворить созерцание лиц людей, мы способны одухотворить труд, даже тяжелый или подневольный. Иными словами, радость проистекает из глубин человеческого сердца и напрямую связана вовсе не с внешними возбудителями, а с бессмертной душой и с Божьим присутствием в ней. А удовольствие происходит от внешних по отношению к человеческой личности факторов.

Апостол Павел, призывая: «Всегда радуйтесь» (1Фес.5:16), вовсе не говорит: «Всегда получайте удовольствие». Нет, он призывает нас одухотворять буквально все с нами происходящее, учиться радоваться любому событию, в том числе и лишенному всякого удовольствия. Потому что поиск состояния радости - это внутреннее творчество, это открытие в себе возвышенного духовного состояния. Термин «радость» глубоко осмыслен в православной антропологии, и, стало

быть, без него не может обойтись и христианская психология.

Удовлетворенность - понятие, близкое к радости, связанное также с системой не внешних, а внутренних ценностей человека. Удовлетворение есть результат реализованных потребностей - физических, психологических, духовных. Удовлетворенность также возникает при переживании результата. А результат чаще всего бывает нематериальный, неочевидный для постороннего наблюдателя. Удовлетворенность может проявиться там, где, вообще-то говоря, не произошло никакого созидания. Как ни странно, даже в глубоко трагических обстоятельствах человек может ощутить ее. Я видел удовлетворенность на лицах людей после смерти их близкого человека, за которым они длительное время ухаживали, ежедневно видя мучения, причиняемые ему тяжелой болезнью. И когда страдалец наконец обрел упокоение, родные, действительно, переживали некое удовлетворение от того, что боль его прошла. Даже в таких парадоксальных условиях удовлетворению находится законное место.

Но, конечно, удовлетворение - это и составляющая внешней успешности. Удовлетворение процессом творчества, реализации себя и своих замыслов - тоже очень мощный источник для эмоциональной, интеллектуальной и духовной деятельности человека. Удовлетворение нас подпитывает, поддерживает наши жизненные ресурсы.

Жизнестойкость

Жизнестойкость - это способность жить и радоваться даже в самых тяжелых обстоятельствах. Человек вынослив, но, выдерживая удар за ударом, он может безвозвратно растерять навык всякой радости, разучиться эмоционально реагировать даже на какие-либо внешние положительные события. Наступает некое отупение, глубокий эмоциональный ступор. Но нередко случается противоположное: человек, несмотря на пережитое горе, сохраняет в себе всю полноту душевной жизни, он по-прежнему способен в своей душе генерировать радость, одухотворяя тем самым свою жизнь.

Например, война проверила наш народ на прочность, она стала страшным тестом на жизнестойкость, которая в послевоенное время

стремительно падала. В наше время это отозвалось антропологической катастрофой (я имею в виду и демографический кризис, и алкоголизм, наркоманию, масштабы социального сиротства и прочее). Но до войны-то жизнестойкость была, она коренилась в живом духовном опыте народа, в вековой народной духовной традиции. И это, несмотря на все испытания и репрессии предвоенных десятилетий, позволило победить врага.

В позитивной психологии жизнестойкость - очень важное и интересное понятие. Сейчас разрабатываются критерии, по которым жизнестойкость даже можно измерить. Исследования в этой области ведет со своими студентами уже упомянутый профессор Дмитрий Леонтьев.

Целеустремленность

Целеустремленность - это длительная инвестиция своей энергии в творчество, в достижение. Это качество может называться упорством или даже упрямством, в зависимости от того, какими средствами человек пользуется при достижении своей цели. Созидательная сила в человеке огромная. Поэтому ничто не делает его столь сильным в своих стремлениях, как четкое осознание цели и смысла деятельности. Каждый из нас обладает огромным творческим потенциалом, но мы ничего не способны сделать, пока не увидим цели и не устремимся к ее достижению.

Однако эта заложенная в нас сила может быть направлена и на разрушение. Негативные импульсы наших естественных качеств являются печальным следствием повреждения грехом человеческой природы. И здесь кроется возможность подлинной трагедии: человек может не созидать, а разрушать, видя в этом цель и смысл своей жизни. Кровопролитные войны и тоталитарные режимы всегда имеют своим двигателем целеустремленность мстительных и жестоких личностей. И поэтому вне ценностного подхода человек не может ставить перед собой жизненные цели. Парадокс заключается в том, что человек никогда не делает чего-либо ради чистого зла. Только ради «блага», но - особым образом понятого. И иногда такое «субъективное добро» оборачивается для миллионов людей величайшим злом. Никто же из тиранов не говорил: «Я злодей, и поэтому я залью кровью весь мир». Самые безжалостные завоеватели

и поработители, уничтожая миллионы людей, верили в то, что они двигают историю к светлому будущему. Опираясь на свои субъективные ценностные суждения, мы можем сформировать лукавую совесть, вырабатывающую в корне ошибочные суждения.

Это свойство преподобный Максим Исповедник называл повреждением ума, т. е. системной ошибкой суждения. Искажение человеческой совести в оценке добра и зла может быть чудовищным.

Религиозная традиция - это объективная система ценностей для человека, а Евангелие - безусловный нравственный ориентир и камертон. Но Слово Божье ложится в основание совести, только если и в самом человеке есть внутреннее созвучие, ощущение Живого Бога через свою живую душу. Если этого нет, то и Священное Писание, и церковная традиция могут сделаться только благочестивым прикрытием, которое станет маскировать наши совсем не евангельские цели и смыслы. Причем все это может совершаться неявно для нас самих.

Категория души

Каждый человек есть свободная личность, и его душа является неисчерпаемым источником радости, силы и творчества. Эти возможности - плод творческого акта, творения. Бог каждого человека украсил великим даром - **бессмертной живой душой**, а значит, неисчерпаемым источником, который есть в каждом из нас. Но почему одни люди ощущают его и им наслаждаются, а другие не чувствуют в себе вообще ничего? Видимо, дело в контакте со своим внутренним миром: у одних людей сохраняется связь с живой душой, а у других - нет. Они ее теряют. В норме каждый ребенок рождается с ощущением этого мощного потока жизни. Дети радуются непринужденно и совершенно безоценочно, но с годами эта естественная способность слабеет и утрачивается. Наступает более сложная жизнь, вносящая во внутренний мир взрослеющего человека различные потрясения со множеством социальных, интеллектуальных и эмоциональных ограничений. И бывает так, что человек утрачивает доступ к своей собственной душе практически на 90-95 %. Но не существует, думаю, людей, сознание которых не подпитывает хотя бы тоненький ручеек, сохранившийся от этого живительного потока.

И мы настаиваем на том, что христианская психология помогает в своей практике человеку вернуться к этому неисчерпаемому источнику радости и силы. Этот путь - покаяние и исцеление. Этот путь - терапия как возврат к жизни, возврат к основе своей личности, т. е. к своей бессмертной душе. И христианская психология активно работает с категорией души, а психология светская, которая ранее с ней распрощалась, сейчас, в некоторых своих направлениях, пытается вернуть ее в свое концептуальное поле.

Говоря о переживании счастья, следует отметить, что все, что мы упоминали: удовольствие, радость, удовлетворение, жизнестойкость, целеустремленность и ощущение смысла жизни, - все это со счастьем связано неразрывно. Но в то же время ни каждое явление само по себе, ни все они вместе взятые счастья еще не определяют.

И наконец - счастье

Счастье - это, конечно, не научный термин. Мы не найдем ни одной классической психологической работы по такому термину. И в этом для позитивной психологии есть большая трудность.

Если говорить о счастье с точки зрения эмоций, то счастье, так же как и горе, это пиковые эмоциональные состояния. Они очень трудны для исследования, потому что они, во-первых, плохо вербализуются, а во-вторых, краткосрочны. Но мы можем говорить, что в пиковых переживаниях человек обладает огромной силой. В отличие от счастья, горе психологам хорошо известно: мы привыкли иметь с этим дело, мы понимаем, что в горе человек может обнаружить в себе особую духовно-нравственную силу, которая либо его сломает, либо сделает еще более сильным. Мы не должны забывать о свободном выборе человека - в какую сторону он эту силу направит.

Когда человек счастлив, в нем тоже включается огромный ресурс, который можно использовать для созидания. Например, счастье любви побуждает человека создавать семью, строить дом, рожать детей и их воспитывать. Если посмотреть на это с точки зрения затрат ресурсов, это близко к подвигу… Но обязательно надо иметь в виду, что счастье порой воспринимается как такое аффективное состояние, когда от избытка эмоций человек теряет адекватность. И это - нормально, просто надо это иметь в виду. Мы же не можем

рассматривать жизнь как полностью состоящую из счастья. Счастье - это пик, вершина, и такое сравнение показывает, что счастье человеку необходимо, как необходимо иногда подниматься на гору затем, чтобы видеть дальше. Счастье позволяет увидеть свою жизнь в максимальном масштабе, как бы с высоты птичьего полета, увидеть всю ее красоту и значимость и помнить этот образ, обнять его духом и разумом. Это позволяет по-новому относиться ко всем своим житейским заботам, переживаниям, страданиям, неудачам, успехам. Вот поэтому роль счастья в жизни человека чрезвычайно велика.

Христианин сказал бы, что счастье - это ощущение полноты жизни, и в этом созерцании Бога и Его любви человек не ограничен. И, как говорят святые отцы, в этом ощущении человек не знает меры, так что никакие страдания, телесные или духовные, уже не могут оторвать его от внутреннего блаженства созерцания Божества и созерцания собственного бытия и чуда жизни. Мы можем им верить, потому что их свидетельство основано на опыте.

Мифы о счастье

Если присмотреться к мифам о счастье (а мы во многом опираемся именно на мифы, не осознавая этого), то в них очень много детскости, юношеских и девичьих мечтаний.

Счастье будет когда-то...

Прежде всего, мифология счастья всегда обращена в будущее. Вот я вырасту и куплю себе машину; когда я буду большим, сам заведу собаку; стану взрослым - и буду свободным, - для ребенка такая идеализация будущего естественна. Взрослым это тоже знакомо, но бывает, что для них место идеального будущего занимает идеализированное прошлое: вот раньше все было лучше... Выходит, такая мифологизация приводит к тому, что мы утрачиваем настоящее, ведь счастье - это будет (или было) когда-то, не сейчас.

Психология здорового сознания предлагает совершенно противоположный тезис, который можно сформулировать буквально в двух словах: здесь и сейчас. А в православной аскетике этот принцип связан с понятием трезвения: это собранность и четкая соотнесенность с моментом, который я сейчас переживаю. Многие праведники предупреждали о вреде пустых мечтаний, например,

святители Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, преподобный Силуан Афонский. Митрополит Сурожский Антоний, отец Александр Мень об этом много говорили. Отец Александр очень любил песню: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется "жизнь"». Философия Хайдеггера знает этот принцип. Это кажется очевидным: ни в каком другом времени жить нельзя, можно жить только в настоящем. Но оказывается, что практически это очень сложно осуществить. Конечно, не всегда это возможно. Бывает, что трагедия, горе, боль, одиночество захлестывают человека, и он не может сказать, что счастлив в это самое мгновение. Но когда проходит какое-то время и напряжение стихает, можно вновь обрести состояние «здесь и сейчас», вернуться в настоящее время.

В одной американской книжке я прочел замечательное наблюдение и удивился, почему это раньше не бросилось мне в глаза? В английском языке настоящее время называется present. Но это же слово мы переводим как «дар, подарок». Понимаете? Каждый день, каждое мгновение, в котором мы в данный момент находимся, - это дар, это потенциальная возможность счастья.

Вот когда я разбогатею...

Второй распространенный миф о счастье заключается в ожидании особого порога, этапа, за которым все будет хорошо. Это миф о богатстве, многим знакомый: вот заработаю миллион - и тогда... Или миф об особом статусе, или условии: например, когда я женюсь (или разведусь), или когда я буду кандидатом наук, или когда я стану начальником, или когда у меня будет собственная квартира и т. д. - условия могут быть любые, но главное, что дальше, за этим перевалом, будет сплошное счастье.

Мы погружаемся в этот миф, не ведая, что периода, когда все абсолютно хорошо, не может быть никогда, просто «по определению».

Такое ожидание особо благоприятных обстоятельств, эта постоянно отодвигающаяся реальность отнюдь не безобидна: она ведет к жестокому разочарованию, а иногда еще и к пустой жизни, которая вся оказывается одним сплошным ожиданием чего-то. Мы не живем в этот момент, здесь и сейчас, мы не занимаемся своей карьерой, мы

не строим всерьез отношений в своей семье. И выходит, что миф о счастье приносит много несчастья: какой-то внешний импульс, событие - и человек погружается в разочарование, убеждается в том, что больше ждать бессмысленно, счастья не будет. И в этот момент ломается его жизнь. Иногда так жестоко, что человек заболевает и умирает.

Чем отличаются конкретные цели от мечтаний? Мечты, как правило, приобретаются в детстве или в юности, они инфантильны. Мечтания никогда не могут быть реализованы зрелым человеком, просто потому, что в мечтах нет знания о себе. Ведь знать себя может только зрелый человек. И дело не только в том, чтобы дожить до условно зрелого возраста (например, до 30 лет). Конечно, не помешает образование и хоть немножко опыта. Но надо еще созреть психологически, а это означает в том числе - похоронить все свои мифы и мечты. И лучше сделать это самому, при переходе от юности к зрелости, чем тащить их с собою всю жизнь. Расставаться с мечтами больно. Но это духовно полезнее, чем разочарование.

Жестокая история про алые паруса

Другая сторона того же опасного мифа для неповзрослевшего сознания - мечта о добром волшебнике: есть кто-то, кто может сделать меня счастливым. Для девушки это может быть принц на белом коне, для взрослого мужчины - какой-нибудь дядюшка с наследством или покровитель, который даст ему хорошую работу… Повесть А. Грина «Алые паруса» - замечательная иллюстрация этого мифа. Эта история всегда воспринимается как романтическая, возвышенная и прекрасная. Но если представить себе современный вариант этого мифа, история покажется очень страшной и даже жестокой: девушка мечтает о принце - и вот появляется белый «мерседес», оттуда выходит молодой человек, приглашает ее на заднее сиденье… И все, больше их никто не видел. Разве это не катастрофа, даже если не думать о криминальных последствиях, даже если они сказочным образом полюбили друг друга с первого взгляда? Ведь для того, чтобы наладить отношения, требуется большущая работа. Какое уж там может быть счастье? Берусь утверждать, что «Алые паруса» страшны именно тем, что очень легко воспользоваться мечтой девушки и обманом увлечь в неизвестность. И барышня не

задаст ни единого вопроса. Боюсь, что эта история сейчас, как и в давние времена, повторяется с девушками очень часто. Романтические мечтания должны настораживать.

Таким образом, миф о добром волшебнике заключается в том, что у человека всегда есть некий внешний источник его счастья. А наша главная духовная задача - научить людей перенести эту точку внимания, точку осознания себя внутрь, потому что источником счастья является собственная душа человека.

Счастье за горизонтом

Миф об «отложенном» счастье может касаться как времени, так и пространства. Например, если здесь живется плохо, можно отправиться за счастьем за границу. Вот эмигрирую, думает наш соотечественник, и там буду жить спокойной и счастливой жизнью. К сожалению, этот опасный миф многих людей просто уничтожил. Считать «заграницу» раем может только человек, который ничего не знает о том, как страдает и болеет иммигрант, какую он переживает ностальгию, как трудно ему прижиться на чужбине… Это все равно как человек, который курит и не знает, что такое рак легких. Тот, кто предупрежден, кто готов к испытаниям, может быть счастлив. А тот, кто пребывает в «розовом неведении», столкнется с огромными проблемами.

Бывает еще миф о мифе - мечты о золотом веке. Например, в русской духовности есть такой миф о «Святой Руси» - некоем царстве, которое всплывет из озера или, наоборот, погрузится в воды, как град Китеж. Это такой заповедный кусочек пространства, как бы Небесный Иерусалим, где Господь уже навел порядок, где нет зла. С догматической точки зрения такое представление о Святой Руси - просто ересь, потому что нет такого места на земле, где нет зла. А добро начинается только там, где трудится человек, трудится духовно и физически.

Жизнь как зебра

Есть еще одна составляющая мифологии счастья: представление о том, что жизнь - это путь, выложенный черно-белыми клеточками, т. е. она достаточно равномерно наполнена как трагедиями, так и радостями. Мы утешаем друга, попавшего в трудную ситуацию: «Это

ты попал в черную полосу. Переждешь - скоро будет белая». Но жизнь как зебра - это ведь тоже идеализация, потому что нет ни абсолютно черных, ни ослепительно белых полос. В жизни есть все: что-то бывает хорошо, что-то бывает плохо, что-то - лучше, а что-то - похуже. Например, в одной семье бабушка умерла, но внук родился - горе потери и счастье обретения переплетаются друг с другом.

А миф о счастье предлагает человеку сплошное наслаждение жизнью. Но так тоже не бывает, потому что жизнь - это не наслаждение. В жизни много радости, много счастья, но не стоит путать это с наслаждением - чувственным удовольствием от определенных ощущений. Радость гораздо многообразнее, многосложнее. Радость - это когда человек что-то делает, причем делает с напряжением, иногда, может быть, даже и с болью, когда человек творит и испытывает при этом духовную радость. А ведь можно получать удовольствие и не быть радостным.

Пора взрослеть

Зачем нам вообще говорить о мифологии счастья? Что вредного в том, что человек стремится достичь условий, при которых счастье наконец появится в его жизни? Увы, многие всю жизнь, осознанно или неосознанно, работают на это призрачное ожидание невозможного.

В противовес этим мифам, с христианской точки зрения, мы говорим о духовной и психологической зрелости, которая включает в себя такую важную характеристику личности, как реализм. Здоровый реализм, в отличие от романтики, имеет дело только с тем, что есть. Подлинный реализм учитывает все ресурсы и потенциалы, которые человек имеет. И психологическая работа должна быть направлена на то, чтобы помочь человеку выявить свои ресурсы, увидеть их, понять, что он достаточно состоятелен, чтобы реализовать свои самые смелые проекты.

Еще одна сторона реализма, на которую обращает внимание психолог: он помогает человеку научиться ценить сегодняшний день. Реальность - она самая плодотворная, самая ценная, хотя бы по одному только простому соображению: здесь и сейчас я способен действовать. Ни в прошлом, ни в будущем я действовать не могу. Ведь будущего еще нет, прошлого уже нет, хотя есть опыт, память и

знания о прошлом.

Путь зрелости, путь взросления - это и есть, может быть, одна из самых первых, самых важных духовных задач человеческой личности. Потому что только реализм, жизнь здесь и сейчас открывает перед человеком возможность получить, во-первых, удовлетворение от того, что он делает, а во-вторых, получить знания, опыт о тех дарованиях, которые ему даны, порадоваться своим свершениям, поблагодарить Бога, сорадоваться с другими. Реализм дает человеку возможность любить. Вот это и есть почва для счастья. Она существует только здесь и сейчас, она никогда не существует в будущем. Духовный вектор человека - все время оставаться в реальности, не пускать себя мысленно за ее пределы.

Таким образом, если мы все мифы о счастье выявим, а потом отбросим, обнаружится, что выход - посередине: не одно сплошное наслаждение, и не только трагедия, и не бесконечное чередование этих полярных состояний. Я бы определил счастье как деятельную радость, т. е. не получение чего-либо, а созидание, строительство своего состояния, своей радости. Если бы можно было сказать по-русски «деятельность по радованию», то вот это и есть счастье.

Душа создана для счастья ...как птица для полета?

Широко распространено убеждение в том, что человек изначально стремится к счастью. «Человек рожден для счастья, как птица для полета» - эта цитата из рассказа В.Е. Короленко в советское время превратилась в популярный слоган, все его знали. И сейчас, кого ни спроси, скажут, что человек всегда стремится к добру, что его базовые желания не могут быть направлены во зло себе. И это несмотря на то, что во все времена было известно, как много зла делает себе человек.

Достоевский открыл совершенно другого человека, который тяготеет к собственному уничтожению, к собственному проклятию, он стремится причинить себе зло. Может быть, это и есть главное открытие Достоевского, за которое его очень ценят, особенно на Западе. Там это показалось интересным: ведь русский писатель обнаружил это за пятьдесят лет до Фрейда! Почему некоторые люди направлены ко злу? Это уже другой вопрос, но факт, что называется,

остается фактом.

Сегодня, в XXI веке, можно лишь вновь подтвердить это открытие: мы нередко встречаем людей, которые вовсе не стремятся к счастью. Они либо стараются выбрать из двух зол наименьшее (но это, согласитесь, трудно назвать стремлением к благу, скорее, это только своеобразная экзистенциальная позиция, в которой даже понятия добра и блага могут быть размыты); либо, в бессознательной глубине, не считают себя вправе быть счастливыми.

Например, один человек пришел ко мне посоветоваться по поводу своих супружеских проблем. Он долго рассказывал о том, как ему трудно наладить отношения с женой, как он старается это сделать, ему очень хочется, чтобы они были счастливы. И когда я спросил: «Чего же вы хотите?», он сказал: «Я хочу быть счастливым с ней». А потом, буквально через две минуты, говорит: «Но если бы я мог, я бы ни одной минуты с ней не остался». Это пример крайнего противоречия себе, своей жизни. Оказывается, в человеке может скрываться глубинное, многоуровневое отрицание себя, своего счастья, отрицание любви. Именно этого «человека из подполья» Достоевский и открыл.

Но, казалось бы, что тут нового? Конечно, вся бездонность человеческого падения была хорошо известна еще древнему миру. Открытие заключается в том, что христианский мир очень долго жил в прямолинейном понимании, что человек сотворен Богом и поэтому он хорош, что называется, «по определению». Но на пути его к счастью, к Богу стоит грех, страсти, преступление. Стоит только убрать все это, расчистить дорогу - и… Только сделать это крайне трудно. А на практике выходит, что «путь к Богу» ведет человека, если он не хочет «расчищать» дорогу к своему счастью, в обратном направлении. Это не может не угнетать, и со времени Достоевского и Фрейда никто столь же убедительно не доказал обратного.

Никто, кроме Христа в Евангелии! Именно в Святом Евангелии стремление человека к счастью, к радости и к Богу раскрывается более чем убедительно, во всей полноте. Но Евангелие сейчас чаще понимается, к сожалению, не как открытие Воскресения, а скорее как открытие того же фрейдовского ада. Многие христиане видят в Евангелии в первую очередь свидетельство греховной безнадежности

человека, а вовсе не свидетельство безграничной любви Бога к нам и того, как хорошо человеку быть вместе с Христом. И мне часто приходится встречать и у своих собратьев-священников, и у православных мирян такое доминирующее понимание, что главная цель христиан - это поиск в себе греха, страстей и покаяние. Но покаяние не как путь «жизни преизбычествующей», а как цель, далее никуда не ведущая. Выходит, человек принимает крещение, участвует в таинствах, но нового рождения не происходит, тяга к греху не просто остается, но неосознанно с ней даже и расставаться не хочется.

Ловушка ложных смыслов

В глубине каждого движения человека есть стремление к своему благу, пусть и криво понимаемому, и оно обладает максимальной устойчивостью и силой. Например, если человек любит поесть, он может говорить: «Да, я пощусь, я стараюсь ограничивать себя», но даже посты могут лишь усиливать предвкушение праздничного стола, он только об этом будет думать в период воздержания. Человек, который испытывал сильное вожделение к женщинам, может в течение всей жизни сохранять этот внутренний мотив в своих решениях и поступках, даже не задумываясь об этом. Некоторые и в Церкви завуалированно продолжают поиски самоутверждения за счет других людей, внутреннее движение к власти или деньгам. Несомненно, это все страстные стремления, но они продиктованы какими-то глубинными смыслами, и открыть эти глубинные смыслы - вот задача христианской психологии. Сделать их очевидными и, с одной стороны, показать ошибочность этих смыслов, а стало быть, и рождающихся от них стремлений (если это возможно), а с другой стороны - помочь использовать силу этого стремления, но только развернуть ее в другую сторону, дать возможность ее аккумулировать и направить к личностному созиданию, а не к разрушению.

Важная задача психолога - показать, что это не стремление к саморазрушению, к греху как таковому, а желание мнимо понимаемого блага, которое оборачивается грехом. Это своеобразная западня, ловушка, но человек все время в нее попадает. Главное тут - понять, в чем суть. Это и есть корень страсти. Еще Дионисий Ареопагит и Максим Исповедник писали, что энергия у человека

одна, и она дана Богом. Эта единая энергия движет человеком во всех его поступках, некоторые из них являются грехами. В этом случае получается, что Богом данная энергия направлена не в ту сторону. Движение превращается в чудовищно запутанный клубок: можно тянуть за нитку, но непонятно, куда эта нитка ведет, что я вытяну. Например, мне кажется, что я тяну за добро, а получается обратный результат. То есть вообще-то я хочу быть примерным, но в результате почему-то напиваюсь. Точно также и иной шизофреник - он хочет подружиться с людьми, но пугает их своими гримасами и выходками, своими словами. И истерик - стремится к активному общению с людьми, хочет поделиться радостью, а в результате у него получаются претензии, слезы и крики.

Пробиться к себе

Может ли человек, участвуя в церковной жизни, приобщаясь Святых Христовых Тайн, направить ту энергию, которая у него расходуется на страсти, в благую сторону? Конечно может. Есть люди, которые обладают такой искренностью, такой решимостью, такой неуклонной волей к нахождению своего подлинного «я», своего подлинного стремления, что они этого добиваются без какой-либо помощи психологов. Но путь этот очень долгий и трудный.

У меня перед глазами один яркий пример: я вспоминаю женщину, которая яростно искала в себе правду. Но на этом пути, который занял тридцать лет, до самой смерти, было множество заблуждений и ложных масок. Она прошла и крайности неофитства, и период начетничества и фарисейства. Но в конце концов все это просто «отшелушилось», и осталась чистая любовь - полная, абсолютно всепобеждающая. И мне кажется, что это настоящее счастье - все-таки прийти к победе через боль и ошибки. Потому что, сколько бы заблуждений она ни допустила на своем духовном пути, самое главное состоит в том, что в совершенной любви растаяли все ее прежние ложные смыслы, а вместе с ними - и постоянно меняющиеся идеологии, взгляды и установки.

Она была кинорежиссером и сценаристом. Помню, как уже на смертном одре она спорила про какое-то кино. Зная о том, что проживает свои последние дни, она как полноправный участник полемики живо отстаивала свою позицию. Неважно, о каком именно

фильме шла речь, но прекрасно помню звучащую в ее словах жажду быть услышанной, поделиться своим опытом с нами напоследок. Любовь режиссера или писателя к своему герою - такова была тема разговора. «Да нет же, вы не понимаете! - буквально кричала она нам. - Ну неужели вы действительно не понимаете, что главное в этом и вот в том!»

И я убежден, что пробиться к себе всегда возможно, сколько бы наслоений ни опутывало сознание человека. Это бывает невозможным только в том случае, если человек ничего не хочет делать сам, а ждет решения откуда-то снаружи: что его убедят, приведут, что-то ему объяснят, покажут, как надо поступать, чтобы не ошибаться. Меня всегда настораживает, когда на исповеди у священника просят: «Скажите, а как правильно?» Это желание получить готовый короткий путь. Как если бы человек сказал врачу: «Я не хочу разбираться в анатомии и физиологии, в причинах болезни. Менять свой образ жизни я тоже не собираюсь. Вы мне только рецепт дайте и скажите, какое из лекарств лучше. Я не пожалею денег и куплю самое дорогое, только чтобы оно действовало».

Христианство без рецептов

На пути к Христу такой подход не действует. В христианстве не существует рецептов. И «стандартная» духовная практика, описанная в учебниках для воскресной школы, в жизни не действует. Есть отдельный человек - и есть Бог, к которому этот человек может двигаться или, напротив, удаляться. И движение зависит от его личной духовной жизни, основанной на свободных и ответственных решениях. А все, что предлагает Церковь, это не готовые рецепты, а вспомогательные средства.

На этом пути есть и определенный внутренний оценочный критерий, он дан апостолом Павлом, который заповедовал христианам: «Всегда радуйтесь». Речь, конечно, идет о радости, которая не связана с внешними удовольствиями, но генерируется изнутри. Что же мешает нам ощущать эту радость? Греховность внутренних установок. И если человек искренне молится, исповедуется, причащается, то личные духовные усилия и церковные таинства открывают ему дверку в радость пребывания с Богом. Если же этого в себе человек не

ощущает, возможно, благодатные средства, предлагаемые Церковью, используются им не по назначению.

Церковь справедливо уподобляют духовной лечебнице, но, продолжая это сравнение, важно не только в больнице полежать. Главное - выйти из лечебницы здоровым и радостным. Если люди приходят в Церковь и застревают в положении лежачего больного, не желающего встать с койки и слезть с капельницы, это весьма печально: человек в Церкви, но он не готов к встрече с Господом.

Святые отцы указали нам вектор - стать образом и подобием Божьим в полном смысле слова. Обрести свободу, способность творчества, созидательности, мужества, любви - вот это как раз то, о чем преподобный Серафим говорил, что это и есть дары Святого Духа, которые помогают человеку в его стремлении к цельности. К этому должен вести духовный путь. На каждом этапе этого пути дай нам Бог приобретать частичку свободы, любви, мудрости, творчества и смирения. Это и называется духовная жизнь. И можно сказать, что человек, настроенный на созидание в себе образа Божьего, - это и есть счастливый человек.

Не в деньгах ли счастье?

Одним из самых распространенных заблуждений является миф о том, что счастье - в деньгах. Это, конечно, неправда, и многие это знают по опыту. Но разоблачающие этот миф часто осуждают и так называемое общество потребления, в котором ведущим мотивом созидательной деятельности является прибыль и личное обогащение.

Осуждение «общества потребления» - это сейчас общее место в традиционалистской риторике. Говорят об этом как о признаке приближения Антихриста, когда не остается никаких духовных и культурных интересов, а все сосредотачивается только на материальном насыщении. Но что стоит за идеей потребления для постсоветского человека?

Бум потребления: мы еще не наелись

Наше общественное сознание унаследовало от советского времени идеологическую конфронтацию коммунистического и либерального взгляда на жизнь. Либеральный образ жизни предлагает покупать,

потреблять, получать удовольствия, а «наш человек» должен был в первую очередь не о себе думать, а о стране, о народе. А страна ждала от граждан созидания самого главного в СССР - оборонной промышленности, армии и силовых ведомств. Сейчас все иначе: люди работают прежде всего не ради возвышенных патриотических целей, а ради себя и своей семьи, то есть просто ради жизни. Ведь если человек выбирает детскую мебель, вступает в ипотеки, закупает по субботам полную машину всякой ерунды, отправляется с детьми на отдых в Турцию - это для жизни, для своей семьи. Очень хорошо, что люди поворачиваются лицом к себе, к своим потребностям, к своим нуждам, что люди зарабатывают и тратят на себя, а не на «оборонку».

Желание покупать, приобретать традиционно клеймилось у нас как мещанство, осуждалось, считалось низменной страстью. И в этом есть свои резоны: общественное мнение как бы предупреждало об опасности, ведь если человек посвящает себя только потреблению, это приводит к пустоте, депрессии, самоубийству. Но я вижу, что люди, которые поначалу жадно покупают и как бы насытиться никак не могут, в какой-то момент вдруг говорят: «Ну, я наелся, мне теперь что-нибудь для души» - и глаза у них как-то веселее становятся. Может, вы заметили, что этот поворот человека к себе, к своим потребностям вносит в нашу жизнь какую-то светлую, радостную ноту? Тема жизнеустройства - она сама по себе, хотим мы того или нет, будет подталкивать людей строить иное, более радостное мировоззрение.

Странно бояться «общества потребления». Во-первых, когда мы в этом контексте говорим «общество», это какой-то фантом, за ним ничего не стоит. Есть отдельные люди, которые живут, радуются, рожают детей, строят дома, зарабатывают на жизнь. И все они живут очень по-разному. Просто иногда диву даешься, насколько по-разному, как на разных планетах! И это все - в рамках одной страны, одного народа, одного языка, одной веры. Объяснить это трудно, а ощутить - можно. А во-вторых, никто не знает, что такое «общество потребления», все просто потребляют.

Наш бум потребления объясняется просто: мы все еще за двадцать лет не привыкли к изобилию. Я вижу, как в выходные караваны

автомобилей стекаются в сетевые гипермаркеты, где закупается во впечатляющих масштабах нужное, а по большей части еще и ненужное. Люди воодушевлены этим приобретением. Это общество потребления? Да нет же! Это люди, которых восемьдесят лет держали в голоде и нищете, в их детях живет эта память. Вспомните, как всего-то двадцать лет назад в Москву жители соседних областей ехали за колбасой, за мясом, за маслом - все эти «деликатесы» можно было купить только в столице. И естественно, что жители провинции не любили москвичей, а мы, москвичи, возмущались этими приезжими на автобусах, которые опустошали магазины. Продавцы, готовясь к их набегам, прятали товар под прилавки, и прилавки были пустые. Я сохранил на память продовольственные карточки, которые нам выдавали в начале 1990-х годов, когда в магазинах было шаром покати.

Так что это не «общество потребления», а просто еще не накушались, детский сад такой. Думаю, что это не страшно...

Угрожают ли кредиты славянской самобытности

Произошли и другие серьезные изменения в экономике, которые, полагаю, всерьез отразились на менталитете русских людей. Например, кредиты. Советский человек никогда не умел обращаться с деньгами, просто навыка соответствующего не было. В девяностые и нулевые годы вошли поколения, вообще не знавшие, что такое кредиты. Раньше вполне можно было балансировать, живя отчасти в долг; мы сами давали и брали взаймы друг у друга без каких-либо процентов. Конечно, и сейчас в трудной ситуации мы обращаемся к друзьям за деньгами, но кредит как альтернатива все больше и больше вытесняет этот опыт из нашей жизни.

На Западе давно существует обычная практика: люди, покупая дом или автомобиль, оформляют кредит; они могут иметь по несколько долгосрочных кредитов и с ними справляться. А у нас такого опыта не было, беспроцентное кредитование строилось на доверительных отношениях между людьми. Теперь случается, что люди, обладающие деньгами, готовы давать знакомым взаймы, но уже с процентами. Вот это меня пугает, потому что отношения людей меняются, распадаются дружеские связи. Все-таки мы, русские, всегда дорожили взаимовыручкой. Нас к ней столетиями приучал непростой

климат, сложный быт и частые исторические потрясения. И риск лишиться такой важной черты сегодня, на мой взгляд, действительно существует. Следует дорожить своей идентичностью, беречь самобытный славянский дух. Под «славянским духом» я понимаю в первую очередь ощущение семейственности, родства, братства, понимание необходимости взаимовыручки. Мы ведь и так утратили многое в XX веке.

Благотворительность по расчету

Иногда нас просят что-то сделать безвозмездно, помочь кому-то, и мы не отказываемся, но ловим себя на мысли, что время будет потрачено, а получить за это ничего не удастся. Для христианина это мысль неприятная, предательская, но в жестких условиях современного мегаполиса она все чаще подкрадывается: «Пока я помогаю кому-то, я фактически отнимаю время и средства у своей семьи». Мы все заметили, что начиная с 1990-х годов альтруизм стал резко сокращаться. Конечно, есть люди, которые как помогали, так и помогают бескорыстно, но их немного.

Что в этой ситуации могла бы сказать Церковь? Библия нам показывает замечательные примеры духовного расчета. Он заключается в том, что я обязан трудиться, и трудиться эффективно для того, чтобы заработать на себя и свою семью. Ни Библия, ни Церковь, никто из святых отцов или наших старцев не говорил, что это человеку не нужно. Ответственность кормильца всегда была в почете. Значит, задача заключается в том, чтобы научиться рассчитывать, сколько необходимо для нормального существования семьи, а сколько можно пожертвовать нуждающимся. Ведь без потребности оказать помощь ближнему христианин в принципе не может именоваться таковым. Та самая десятина, о которой Господь сказал Моисею как о жертве, возможна в разных видах, не только в денежном эквиваленте. Можно пожертвовать Богу и ближнему свое время, свои профессиональные способности, свой опыт, свои связи, наконец.

Русский человек издавна посмеивался над немцем по поводу его педантичной расчетливости и всегда подчеркивал свою свободу от всяких расчетов. Как явление фольклора - это забавно, но поучиться русским у немцев было бы весьма полезно. И если мы говорим, что

способность делиться является одной из важных черт самосознания славян, то она тоже требует умения считать: сколько пожертвовать на Церковь, сколько на ближних, а какую часть доходов необходимо оставить для семьи. Это будет правильно и с духовной точки зрения, и с точки зрения здравого смысла.

Господь в Евангелии приводит такую притчу: «.кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: этот человек начал строить и не мог окончить?» (Лк.14:28-30). Надеюсь, что эти важные слова Христа не останутся сегодня без внимания.

Свобода и ответственность

Карикатура на послушание

Установка получить на все готовые рецепты свойственна большинству людей. Но это не более чем карикатура на послушание. Просто немыслимо перекладывать ответственность за свою жизнь на духовника или приходского священника! Любой приходской священник перегружен огромным количеством трудноразрешимых вопросов, не связанных с духовничеством. И это тоже сфера его собственной ответственности. Если он за каждым ответом, снимая с себя ответственность, станет к архиерею бегать, такой батюшка ни храм не построит, ни общину нормальную не создаст.

Более того, существуют постановления Священного синода 1998 года, которые серьезно ограничивают возможности пастырского вмешательства, например, во внутрисемейные ситуации. И, на мой взгляд, в этих постановлениях четко обозначены критерии и границы пастырства. Одна моя знакомая вспоминала о своем неофитском периоде. У нее возникла внутрисемейная проблема: дочка выросла, нужно было выделить ей комнату в «трешке». И они все время спорили и с мамой, и с мужем, каким образом все это осуществить. И вдруг, как она рассказывала, ее озарило. Стоя на всенощной, она подумала: надо же батюшку спросить, и как он скажет, так мебель и поставим. И ей сразу сделалось легче, все прояснилось. Понимаете? Батюшка должен был, в ее понимании, заниматься дизайном и

перепланировкой квартиры. Как ни странно, батюшка помог-таки им разобраться с этой проблемой, т. к. сам был недавно рукоположен и тоже пребывал в неофитстве. Это, конечно, карикатура на послушание, просто забавный эпизод из многих подобных. Но случаются и настоящие трагедии, когда в особенную силу своих благословений начинают верить и сами пастыри. Как правило, подобная атмосфера притягивает людей с пограничными и патологическими состояниями психики.

Послушание как христианская добродетель созревает и полноценно раскрывается в монашестве. Послушание в миру возможно лишь ограниченно в церковных вопросах. Человек, живущий в мире, должен реализовать себя в разнообразных ответственностях. Благодаря этому ездят поезда и летают самолеты, хлеб появляется на наших столах и храмы строятся. А монах не конструирует самолеты, он, напротив, уходит в уединение или в монастырь, подальше от мира, чтобы сузить круг своих ответственностей до одной, но самой важной - предстояния перед Богом.

И на монашеском пути послушание игумену, духовнику или старцу - незаменимое условие. Но и там это отнюдь не гарантия непогрешимости в поступках, а веха на пути к христианскому совершенству. А гипертрофированное послушание, основанное на «субординации» людей в Церкви, конечно же, невозможно.

Ответственность - удел храбрых

Вообще извращенное понимание послушания возникает даже не от непонимания. Оно произрастает из области человеческих страхов, потому что взять на себя ответственность - это всегда акт мужества. Гораздо проще выстроить свою духовную жизнь таким образом, чтобы все решения за тебя принимал священник, по принципу «раз я не несу ответственности, стало быть, я и не согрешаю». И зачастую люди, воспринявшие такую установку, вовсе отказываются признавать ее ошибочность, пытаясь убедить себя и других, что это и есть подлинное православное мировоззрение.

Как-то одна женщина поставила мне в упрек необразцовое поведение своего мужа. Удивившись, я попытался понять, что же она имеет в виду. «Ну как же, - удивилась и она в свою очередь, - вы же меня

благословили на этот брак!» Иными словами, когда люди с подобной установкой берут благословение на что-либо, они мысленно перекладывают ответственность за свои решения на священника. Потом я к этому привык, но, каждый раз сталкиваясь с такой ошибочной церковностью, стараюсь спрашивать: «А на Страшном суде вы тоже скажете Господу, что батюшка за вас ответственность несет?» Иногда приходится слышать: «А разве нет? А разве не батюшка будет отвечать за нас всех перед Господом?»

Получается своеобразная коллективная ответственность в спасении. Но в Церкви нет такого понимания. Каждый сам отвечает за свои грехи перед Крестом и Евангелием. А задача духовника прежде всего в том, чтобы раскрыть перед человеком возможность духовных последствий, возникающих в тех или иных случаях, предостеречь его от греховных поступков. Духовник может давать советы, основанные на учении Церкви и своем личном опыте евангельской жизни. Но решения и всю полноту ответственности за них человек должен принимать сам, только в этом случае он будет двигаться в сторону цельности, к восстановлению в себе образа Божьего.

В качестве иллюстрации можно смоделировать ситуацию, когда некто обращается к священнику, испрашивая его благословения на новую работу. Священник выслушал и сказал: «Бог благословит, давай устраивайся. Интересная работа, и зарплата хорошая». И человек приступает к новым служебным обязанностям. А это уже многообразная ответственность, приходится ежедневно решать определенные задачи. И человек вполне может оказаться не готовым к этим решениям профессионально и психологически. Где-то квалификации окажется маловато, где-то характер подведет. Что же, благословение священника здесь является гарантией успеха? Конечно нет. Человек сам будет отвечать и перед начальством, и перед Богом за плохо исполненную свою работу.

Нет такой тесной и прямой связи между поступками людей и пастырским благословением - просто потому, что невозможно отменить свободу, данную Богом человеку. И конечно, никто не может отменить личной ответственности человека за свою жизнь перед Богом. Даже ребенок, совершивший некое зло, отвечает за него сам, несмотря на то что формально и юридически

ответственность несут родители. Простой пример из жизни: девочка лишилась глаза в младшей школе, это произошло случайно, в игре. И ее одноклассница, по вине которой произошел несчастный случай, несет эту вину уже много-много лет и, наверное, никогда не сможет отделаться от ощущения непоправимости произошедшего зла. Сколько бы мы ни убеждали эту женщину в том, что, если она покаялась, Бог ее давно простил, у нее на душе все равно останется тяжесть ответственности за принесенную другому инвалидность.

Бегство от свободы

У меня на глазах разрушается семья прихожан. С точки зрения «правильности подхода» она как раз была идеальной: имелось благословение родителей, благословение нескольких духовников, будущие супруги ездили к известному старцу - отцу Николаю Гурьянову. Что же, теперь обвинить всех старцев? Нет конечно! И благословение, и послушание - это, так сказать, фон. А на первом плане всегда будет решение самих людей о вступлении в брак и то, как они станут в этом браке выстраивать отношения друг с другом.

Боязнь взять на себя инициативу и ответственность несет в себе отпечаток эпохи, который проецируется на духовную болезнь, свойственную уже не только странам посткоммунистического пространства. Эрих Фромм в 40-е годы прошлого века написал книгу «Бегство от свободы» - это исследование, посвященное проявлениям психики человека в различных социальных условиях. Эта книга возникла как реакция на национал-социализм, но в ней описывается та же самая болезнь, появившаяся не в XX веке и не только под влиянием тоталитарных идеологий. Фромм показал, что бегство от свободы - это глубинная общечеловеческая страсть, это страх ответственности и страх одиночества. И в момент пароксизма, в судорожном страхе, человек готов вцепиться в кого угодно, лишь бы его избавили от

этого страха. Это, вообще-то говоря, вовсе не стремление к чему-то возвышенному, а простое психологическое бегство. И, к сожалению, я вынужден свидетельствовать, что в современном русском Православии очень много людей, хватающихся за религию именно из-за страха.

Люди приходят к религии с разными мотивациями. Бывает, что эти мотивации исключают христианский дух, а соответствуют в большей степени исламскому духу. В исламе ведь очень четко прослеживается идея справедливости, прямой причинно-следственной связи: если ты сделал нечто греховное - получай наказание, добродетельное - заработал поощрение. В христианстве такой линейной зависимости нет; в христианстве главное - не справедливость, а бесконечная милость и любовь Божья. А что с этим делать, человек не знает. Ему ближе вполне понятные, определенные нормы и правила, и чем они жестче, тем ему спокойнее. Такая религия упраздняет бремя свободы, а ее адепты удивляются, когда мы говорим о свободе, радости и счастье в Православии. Но, слава Богу, большинство чад нашей Церкви сохраняют здравомыслие и учатся пониманию христианской свободы.

Счастье и любовь

Если расспрашивать людей об их представлениях о счастье, большинство скажет, что ощущение счастья ассоциируется с любовью. И это легко объяснимо, потому что Господь именно так и создал человека - для любви. Христианская вера немыслима без любви и, стало быть, очень близка к понятию счастья. Разговор о любви - это огромное пространство, в котором надо выделить разные темы. Вот почему эта глава закономерно оказалась самой объемной.

Счастье в любви

Сразу отмечу, что я считаю возможным говорить о полноценном любовном счастье только внутри брака. У каждого свои представления о любви, но мне сейчас важно обозначить идеал, даже если он кажется труднодостижимым, - это любовь мужчины и женщины в браке.

Счастье в браке - это не данность. В сказках свадьба - это счастливый финал, а дальше - само собой разумеется, что «они жили долго и счастливо»... В жизни все иначе: счастливый брак - это зрелый плод, результат длительного пути и трудной работы, результат кризисов и духовной жизни обоих супругов. Это высшая точка, пиковое состояние темы взаимоотношений мужчины и женщины и счастья в этих отношениях.

На мой взгляд, любовь мужчины и женщины вне брака всегда имеет «обременения», как сказали бы юристы. Это вносит массу трудностей в отношения и, стало быть, лишает доли счастья мужчину и женщину. Более того, любовь вне брака не достигает полноты, как ни старайся.

Все начинается с влюбленности

Все начинается с влюбленности, с первой встречи, с открытия друг друга. Это замечательное время! Но мало у кого оно ассоциируется с трудным периодом испытаний: испытанием на прочность, на трезвость, на благоразумие и на самопознание, испытанием на открытость… То есть это время очень сложное, хотя нам кажется, что мы просто летаем!

С точки зрения психофизиологии влюбленность - это прежде всего период необыкновенного энергетического подъема. Влюбленный способен актуализировать огромную энергию: он может долго не спать, не есть, может совершать подвиги и при этом не уставать или, наоборот, устать, но очень быстро восстановиться, погрузиться в бурную деятельность, писать стихи, петь романсы и т. д. Это очень креативный период. С медицинской точки зрения он характеризуется огромным выбросом гормонов в кровь. Медики описывают этот гормональный дисбаланс как некоторое опьянение, т. е. измененное состояние сознания, в котором человек неадекватен и в котором он может совершить массу самых разных ошибок. Но это только одна сторона правды.

А другая сторона правды заключается в том, что это период необыкновенного открытия себя и своих огромных ресурсов, открытия в себе совершенно неожиданных сторон духовной и психической жизни, которые в другом состоянии могут никогда человеку не открыться. И еще - это прорыв к другому. Человек может быть очень замкнутым в себе, ориентированным на себя. Но во влюбленности он впервые, может быть, открывается другому так, как никогда больше никому не откроется. И для такого человека это может оказаться единственным шансом прорыва вовне. Этот мощный прорыв может охватить всего человека целиком, всю личность. Человек способен в состоянии влюбленности достичь преображения всей своей личности раз и навсегда: интроверт, например, может

стать экстравертом.

Но и это еще не вся правда. Влюбленность открывает огромный творческий потенциал: человек обнаруживает в себе мощные энергии и источники новых решении, новых образов, новых реальностей и, действительно, может создать в этот период то, что он никогда больше уже не создаст. К сожалению, бывает так, что люди, испытавшие креативную мощь влюбленности, пытаются это эксплуатировать. Некоторые писатели, композиторы, актеры, режиссеры - влюбляются вновь и вновь, чтобы испытать новый творческий подъем. Это, конечно, манипуляция чувствами, и она приводит к душевному истощению, к внутренней пустоте.

Я думаю, что Господь дает человеку этот огромный взрыв всех сил для того, чтобы он совершил для себя неожиданное открытие, смелую «вылазку» из «крепости» своих психологических защит, чтобы решился на такой союз двух личностей, на который в трезвом состоянии он не пойдет. В трезвом - с точки зрения гормонов, чувств, эмоций. А в этом эйфорическом состоянии человек способен на самый смелый поступок в жизни - выйти на встречу с другой личностью. И, к сожалению, для многих людей именно в этом состоянии заключается счастье, и больше его нигде нет. А счастье как раз не в этом - не в опьянении страстью, не в экстазе, а в радости и полноте бытия, которые открываются в любви, приходящей позже. Но начало - влюбленность - для того и дана, чтобы преодолеть себя, свои страхи и свои сомнения.

Эскиз любви

Мне очень жаль, что, когда заходит речь о любви, чаще подразумевается именно состояние влюбленности. Оно ведь очень кратковременное по сравнению с человеческой жизнью: влюбленность может длиться от четырех месяцев до года. Конечно, это в среднем; чем менее острым, интенсивным является состояние влюбленности, тем дольше оно длится. Максимум три года - и все. Важно понимать, что прилив энергии, гормональный взрыв, измененное состояние сознания - все это прекращается по естественным причинам: организм не может долго переживать столь бурные изменения. И что же, на этом счастье заканчивается? Уверяю вас, многие люди убеждены в том, что именно так: закончился

период влюбленности, и любовь ушла. Это распространенная и, увы, примитивная точка зрения, потому что к любви она не имеет отношения.

Ведь любовь - это не какое-то состояние, которое вдруг нашло на человека, как туча на небо, а потом ушло. Нет. Любовь - это внутренняя жизнь, это деятельность, целый внутренний мир, который человек строит по кирпичику, постепенно. Для христиан любовь - это внутренняя Церковь, которую человек создает в себе. А влюбленность можно сравнить с периодом, когда закладывается фундамент и создается некий эскиз будущего здания любви. Потом он переделывается многократно, и это нормально. Переделывается до тех пор, пока мы через свой опыт не откроем, что любовь стоит на пяти китах - знание, внимание, уважение, забота и ответственность.

Влюбиться - и узнать другого

Меньше всего во влюбленности хочется думать - особенно думать о каких-то задачах. Но тем не менее перед влюбленным стоят важные духовные задачи. Во-первых, надо прожить влюбленность, именно прожить, не принимая решений о вступлении в отношения, о замужестве, о женитьбе, о разводе. Влюбленность - не время для таких решений. Скольких трагедий удалось бы избежать, если бы мы это знали!

А вторая задача в этот период - как можно лучше узнать другого. Как можно лучше - то есть заглянуть за завесу идеализации, за маску. Ведь известно, что, влюбившись, мы видим в другом самое хорошее и избегаем или просто не можем увидеть плохое. Так устроен человек: при встрече с другим он невольно надевает некие маски; в случае влюбленности - самую лучшую из них. Непросто узнать в это время, каков твой возлюбленный на самом деле. А ведь очевидно, что решение о продолжении отношений можно принимать только после того, как мы хорошенько познали друг друга с самых разных сторон. Если познание другого невозможно, то дальнейшее развитие отношений можно сравнить с безоглядным вступлением на минное поле. Опять вспоминается романтическая история про алые паруса, когда Ассоль подает руку капитану, делает шаг с берега в шлюпку и отправляется с ним… Она отправляется в terra incognita, в неизвестную страну, она вообще не знает своего избранника. Мы

понимаем, что «Алые паруса» - красивая сказка, но эта история может послужить образом того, как влюбленный человек, не зная другого, решается на развитие отношений. Значит, он не сумел дождаться знания.

А познание друг друга и уважение друг к другу уже на стадии влюбленности дают людям ощущение счастья. Но это, если можно так сказать, ответственное счастье: без потери головы, без опьянения страстями. Оно очень важно.

Что такое любовь без знания, слепая любовь? Это, например, любовь ребенка к родителям. Ребенок любит родителей абсолютно слепо, он их не знает, потому что живет как бы внутри них. Для него мама и папа - это неотъемлемая часть его жизни. Поэтому он не думает о том, какие родители на самом деле. Впервые ребенок познает своих родителей в подростковом возрасте, когда он пытается от них отделиться. И тут, наконец, он смотрит на родителей без идеализации. Но опять же это нельзя назвать объективным знанием, это первая попытка. Вот точно также и влюбленные. Когда заканчивается период влюбленности, у них появляется естественная возможность посмотреть друг на друга более-менее трезвыми глазами и подумать: «А кто ты? Хочу я с тобой дальше развивать отношения или не хочу?»

Зона риска

Огромная трагедия, когда влюбленность проходит и люди вдруг видят другого без прикрас, а они уже состоят в сексуальных отношениях или, не дай Бог, уже расписались. Приходит понимание, что они не хотят друг с другом продолжать отношения, что они чужие друг другу, а различия между ними столь глубокие, что их невозможно преодолеть. Это касается и религиозных, и мировоззренческих, и даже социальных различий. Мезальянс, т. е. неравный брак, это вещь совершенно реальная, и она никогда не исчезнет. И не надо думать, что в наше время, когда нет сословных барьеров, когда нет формального деления на дворян, купцов, духовенство, крестьян и пролетариев, мезальянса не существует. Ничего подобного. От него никуда не деться, потому что все люди очень разные.

У мужчины и женщины, принадлежащих к одной социальной группе,

больше шансов построить доверительные, более близкие отношения. Если они из разных социальных групп или по уровню образования совершенно разные - это уже зона риска. Скорее всего, у них возникнут серьезные разногласия, которые могут поставить их на грань разрушения отношений. И практика показывает, что сплошь и рядом это так: разводятся люди, вышедшие из разных социальных групп, из разных культур, из разных религиозных традиций. Мы с молоком матери впитываем великое множество всех этих особенностей и несем их по жизни, порой не осознавая. И если они не совпадут с теми же признаками у того, кого я люблю, это может стать почвой для конфликта.

Может обнаружиться, что противоречия между личностями супругов существенны, и они от них отказаться не могут. Например, традиции родительской семьи. Именно это часто бывает первым кризисом в семейной жизни. Молодой муж звонит маме и говорит: «Мама, она неправильно готовит яичницу. Не так, как мы». Иногда этого бывает достаточно, чтобы разрушить брак, я такие примеры знаю. Или дочь звонит маме: «Мама, он храпит по ночам и носки разбрасывает по квартире. Говорит, что у них так принято». Со стороны это кажется пустяками, какими-то бытовыми глупостями, но, увы, они могут быть поводом для серьезного разлада.

В наше время часто встречается такой мезальянс, когда, скажем, один из молодых супругов получает высшее образование, а другой нет. Потом появляются дети, жене уже не до учебы, и здесь закладывается очень мощный кризис, который потом даст себя знать. И только если оба супруга духовно трезво относятся к этому различию образований, они смогут его преодолеть и, может быть, в будущем сгладить, уравновесить. Но это очень существенная вещь, ее нельзя недооценивать.

Особенно трудная ситуация возникает в семьях, отстоящих в своей национальной и/или религиозной традиции достаточно далеко друг от друга. Скажем, в России могут соединиться через молодоженов русская городская семья и, например, сельская татарская семья. Две разные веры, две разные традиции, два разных этноса. Общего между ними крайне мало, только что на русском языке все говорят. Может быть между выходцами из таких семей любовь? Еще какая! А что

делать? Решиться на брак могут только очень любящие друг друга мужчина и женщина. Быть счастливым в этом браке будет трудно, но возможно. Кстати говоря, из таких смешанных браков вырастают очень сильные, красивые и талантливые дети, это давно было замечено. Но какой кризис придется пережить их родителям, этого не знает никто.

«Счастье - это когда тебя понимают»

Познание другого - это деятельность чрезвычайно радостная, если она совершается на основе влюбленности и ей сопутствуют уважение и ответственность. Я имею в виду ответственность за каждый свой шаг: ответственность за знакомство, за каждую встречу, за каждое слово, за доверенную свою правду, которую другому никому и сказать-то не хотел. И это тоже все приносит огромное счастье влюбленным: еще нет брака, нет близких отношений, но открытие и познание другого уже приносит радость.

Но и открытие себя другому может стать подлинным счастьем. Ведь большинство из нас чувствуют себя очень одинокими, мы тяжело переживаем непонимание окружающих. Помните знаменитый фильм «Доживем до понедельника», где герой в сочинении про счастье написал одну только фразу: «Счастье - это когда тебя понимают»? Это один из главных лейтмотивов подросткового возраста, для 14–15 лет это нормально.

А взрослый человек во влюбленности вдруг открывает для себя возможность найти это понимание, но для этого надо открыться. Открыться - и тебя поймут. Это великое счастье! И часто оно начинается во влюбленности, но полностью расцветает только в браке, в интимных отношениях. Уточню: под интимными я понимаю близкие, доверительные отношения, а не сексуальные. Сексуальные - это отдельный вид отношений. А интимность означает: я доверяю другому то, что я больше никому никогда не доверю.

Бывают такие люди, про которых говорят: однолюб. Но он однолюб просто потому, что для него так трудно открыть себя другому человеку, что он, открывшись однажды, уже не ищет чего-то еще. У него есть жена - и все, только она знает все его секреты. А у каждого из нас куча секретов - телесных, физиологических, психических,

поведенческих, семейных тайн, которые знают только наши супруги и больше никто никогда не узнает. Легко ли поэтому поменять супругов? Крайне сложно. А для многих вновь открываться другому - это просто невозможно.

Хромая любовь

Не боюсь повториться: любовь начинается с познания. Иначе получается хромая любовь. Ведь любовь, как мы уже говорили, это не внезапное чувство, это - познание, внимание, забота, уважение и ответственность. А как я могу нести ответственность за человека, которого я не знаю? Во время влюбленности очень легко познавать друг друга. Сил, ресурсов много, любопытства много: «Хочу узнать тебя всю до конца, до каждой клеточки и черточки». Очень хорошо! И познавай!

Но как важно не связать себя во время влюбленности более серьезными, глубокими, например, сексуальными отношениями. Сексуальные отношения обладают такой силой, что они связывают мужчину и женщину практически навсегда. Можно сказать, что это настоящий способ породниться. Мужчина и женщина, вступив в сексуальную связь, становятся родственниками друг другу - не в физическом, а в духовном смысле. Телесные отношения забыть нельзя, тело обладает памятью. Если при этом личности чужды друг другу - это ужасная трагедия. Мужчине и женщине, которые находятся в сексуальных отношениях, очень трудно изучать друг друга объективно. Потому что эмоции захлестывают, внутреннее зрение затмевается этой связью, которая уже развивается по своим законам.

Поэтому когда отношения начинаются с раннего сексуального контакта, из них, как правило, ничего доброго не получится. И даже не с точки зрения нравственных норм, а с точки зрения психологии взаимоотношений двух личностей. В норме сексуальные отношения являются продуктом любви, дружбы и доверительных отношений. А когда доверительных отношений нет, а уже есть сексуальная близость, это означает, что внутри общения двух людей возникнет стыд и отчуждение: я еще тебе не доверял свое тело, но я уже с тобой переспал. В этой ситуации не может не родиться естественный стыд. А если наступает беременность, то выбора уже нет: все, ребенок

делает двоих родственниками, и не только их, но и обе родовые системы, которые за ними стоят, становятся родственными, хотя мало кому это приходит в голову. Естественно, какое уж тут счастье! Оно оказывается погребенным под обломками не состоявшихся еще отношений.

Заметьте, обращаясь к этой теме, я почти не затрагивал нравственный аспект, не применил ни одного богословского термина. Мы говорили о психофизиологических и даже «житейских» последствиях добрачной близости. Сейчас она считается почти обычным делом. Но даже самые раскованные и «свободные от предрассудков» влюбленные, вступающие в эти близкие отношения, все равно каждый раз чувствуют некий барьер, который можно переступить, а можно остановиться, сделав усилие. Это пример того, как «работают» библейские заповеди. Ведь они даны нам не как отвлеченный запрет, который надо соблюдать просто потому, что Богу так захотелось, или потому, что общество и семья этого требуют. Заповедь - в данном случае запрет на секс до брака - предостерегает людей от разрушительных последствий их неверных шагов, это знак «Стоп!». Если это понимать и принимать, гарантированного счастья, конечно, не будет, но появляется гораздо больше шансов достичь зрелого счастья.

«Батюшка, скорей повенчайте нас»

Вот совершается таинство венчания. Священник спрашивает жениха: «Готов ли ты взять эту женщину в жены?» И он отвечает: «Да». То же спрашивают и у невесты. Это вовсе не формальное «да», не дань красивой традиции. Это очень важное «да»: согласие означает, что супруги берут ответственность за свой выбор перед лицом Церкви, перед лицом родителей, свидетелей. Это очень важный момент, и к нему надо готовиться.

К сожалению, у нас в Церкви еще не прижилась обязательная подготовка к венчанию, а она очень нужна. Психологи утверждают, что если в загсах и в Церкви ввести обязательную подготовку будущих супругов в течение нескольких недель, то как минимум пятидесяти процентов браков не будет. У меня есть коллеги-психологи, которые работали в загсах как консультанты. Юноша и девушка подают заявление, а им говорят: «Вам надо обязательно

посетить психолога». И очень часто бывает, что после консультации они забирают заявление. Как и следовало ожидать, в некоторых загсах из-за этого отказались от психологов, говорят: «Вы нам просто распугаете всех клиентов». Кое-где психологи еще консультируют, но таких мест все меньше… Хотя все знают, что половина браков - абсолютно необдуманные, люди стремятся заключить брак на волне эмоций и иллюзий, и этого якобы достаточно, чтобы всю жизнь жить вместе. Просто чудовищно! Неудивительно, что очень скоро такие браки распадаются.

К сожалению, я сам венчал такие браки. Это моя священническая ответственность. У меня есть несколько прихожан, которые разошлись чуть ли не через месяц. И я понимаю, что я ничего не сделал для того, чтобы с ними поговорить перед этим. А некоторые просто не допускают этих бесед, говорят: «Какой разговор? Мы уже все решили. Батюшка, вы только нас повенчайте, а разговоров нам с вами никаких не надо». А на самом деле такое безответственное отношение к одному из важнейших решений в жизни - это лишение себя счастья.

Итак, если ввести добрачную подготовку, неизбежно снизится число браков. Но ведь и число разводов пойдет на убыль! Я надеюсь, что все-таки систему подготовки через несколько лет у нас введут обязательно. Просто пока мы находимся на уровне незрелого общества. Мы знакомились с подобной системой в Италии, в Римо-Католической Церкви. Там те пары, которые хотят венчаться, должны встретиться со священником, психологом, врачом, юристом и социальным работником. Эти беседы проходят за несколько недель до бракосочетания, а потом еще раз после медового месяца им полагается серия встреч с этими же специалистами. Я думаю, что и у нас что-то подобное будет, когда и общество, и государство, и Церковь осознают, насколько это важно - работать с молодыми. Это нормальный путь к трезвомыслию и к счастью, потому что всякий развод - это величайшая трагедия.

Гражданский брак похож на брак, но…

Однажды мне на глаза попались данные социологического опроса в одном из регионов России. Результаты казались парадоксальными: среди опрошенных замужних женщин оказалось больше, чем

женатых мужчин. Это странное на первый взгляд явление социологи и психологи объяснили следующим образом: многие мужчины, которые живут в гражданском браке, не считают себя женатыми, а женщины в таком положении ощущают себя замужними. Комментарии излишни, как говорится.

То, что у нас принято называть гражданским браком, это все-таки хоть и какой-то куцый, но брак. Людям кажется, что они облегчают себе жизнь, пренебрегая «штампом в паспорте», а на самом деле это крайне трудная для обоих модель брака. Можно ли в таком союзе быть счастливыми? Наверное. Но это редко бывает. На мой взгляд, счастье в такой семье не будет целостным. Я знаю такие пары. Как правило, они сталкиваются с серьезными кризисами, связанными с детьми, с родственниками и множеством других специфических для такого союза проблем.

Самое сложное - когда один из супругов вдруг говорит: «Нет, это не брак. Я не женат (или я не замужем)». Это как раз и свидетельствует о том, что для него это еще не настоящий брак. Либо он ждет настоящего, либо в этом браке что-то не так. Очень редко такие супруги говорят: «Да, мы женаты». - «А что же вы не расписывались?» - «Ой, а мы как-то забыли. Но мы не чувствуем этого, нам это не мешает».

Простые житейские вопросы в таких союзах могут вырасти в большие проблемы. Например, муж заболел, его забрали на «скорой» в больницу, жена прибегает: «Пустите меня в палату к мужу!» А ей говорят: «Простите, а вы кто?» И вдруг она понимает, что формально она своему супругу вот сейчас, перед доктором - чужой человек. А если, не дай Бог, все закончится трагично, при похоронах - то же самое. «Вы кто ему?» И абстрагироваться от этого в нашей реальной жизни очень сложно.

Или, например, проблемы наследования. Человек умер и заранее не позаботился о том, чтобы оставить наследство своей спутнице. Женатые могут не думать об этом, потому что по закону многих стран супруги являются наследниками первой ступени и автоматически наследуют все. Но, к сожалению, очень часто получается, что женщина, которая прожила со своим гражданским мужем много лет, ухаживала за ним в болезни и т. д., ничего унаследовать не может.

Но главное не в этом. Главное - как сами мужчина и женщина относятся к такому «браку». Многие из них, даже, наверное, большая часть, браком свою совместную жизнь не считают. И в этом они видят преимущества такой формы брака, который всегда можно объявить «яко не бывшим», и отношения разорвать. Такая форма жизни представляется им более свободной. Свободной - от ответственности. Это привлекательно, но это и есть духовная пагуба. Церковь относится к такой свободе от ответственности как к греху. И с точки зрения психологии семейных отношений совместная жизнь без ответственности - это деструктивные отношения и проявление инфантильности личности.

Медовый месяц

Ну вот, предположим, марш Мендельсона отзвучал, молодые повенчаны, свадьба сыграна. Начинается медовый месяц. С ним ничего сравнить нельзя, месяц потому и медовый, что он исполнен необыкновенной сладости бытия, он весь пропитан счастьем. Этот начальный период супружества, так же как и период влюбленности, содержит в себе огромный потенциал, огромный ресурс для выстраивания будущих отношений. И именно для этого он должен быть использован, потому что в это время все дается легко, на волне чувств преодолеваются самые «чудовищные» разногласия - и про яичницу, и про маму с папой, и про немытую посуду.

Хорошо, если это будет работа зрячая, осознанная, когда люди понимают, чего, собственно говоря, надо строить-то. Часто говорят, что молодожены в это время притираются, привыкают. Что значит «притираются»? Договариваются? Учатся уступать друг другу? И это тоже, но суть совершенно в другом. В церковной среде очень часто можно услышать, что брак - это жертвенность. Да погодите жертвовать! Еще непонятно, чем жертвовать-то. Что отдавать, когда еще ничего нет? Надо сначала еще все приобрести, выстрадать.

Медовый месяц - это, как и влюбленность, период познания друг друга, но познания нового - кропотливого, всестороннего, духовного. Здесь важно не только узнать каждую клеточку тела другого, но и каждое (насколько это возможно) мнение, взгляды, чувства, способы реагирования. У влюбленных или у любовников этого никогда не бывает по одной простой причине: любовники для своих встреч

выбирают два-три часа в сутки, или пару дней в неделю, или месяц, чтобы съездить в отпуск вместе, и все. А супруги вместе постоянно, все 24 часа в сутки. В этом смысле только у супругов есть такой мощный фактор, как единство времени и места. Никакие другие отношения этого единства времени и места не дают. Это замечательное условие, чтобы познать друг друга. Конечно, на сто процентов это невозможно. Но в этот период, когда им хочется быть только вместе, когда на второй план отодвигаются дружеские связи, пиво и бани, преферансы, шопинги и прочее, они максимально открыты друг для друга.

Жаль, если брак заключается уже в период беременности женщины, потому что у них не будет этого времени. Оно уже будет потрачено на другие заботы, на другую ответственность. А когда у молодых еще нет ребенка, они могут полностью посвятить себя узнаванию не только друг друга, но и семей и друзей друг друга. Это тоже открытие. Вот что, например, в наше время можно считать приданым? Приданое - это все мои связи, родственные отношения, культурная среда, все мои сокровища, которые я приношу с собой в нашу новую семью и готов ими поделиться.

Молодожены - это люди, которые видят свое реальное могущество, оно проявляется в строительстве собственной жизни. Они своими руками создают все новое: новый дом, новое хозяйство. Я говорю «новый дом», подразумевая, что идеальный вариант для молодых - это свой дом, без родителей, независимое хозяйство. Даже неважно, временный или постоянный, но свой дом, который они сами строят. Ощущение того, что мы вдвоем можем создавать все заново, строить свои отношения, заводить свой ритм жизни, творить индивидуализированный образ бытия, дает очень много счастья и избыток сил. Одно из счастливых состояний молодой семьи - это именно ощущение творчества. Конечно, индивидуальное счастье - это не предел, потому что совершенное бытие в христианстве понимается как надиндивидуализированный образ бытия. Но путь к нему лежит через выявление индивидуальности, другого пути нет.

Взрыв бессознательного

В жизни нам часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда женатый человек вдруг влюбился. Тут уже впору говорить не о

закладке фундамента новой семьи, но о разрушении здания прежнего брака. Иногда спрашивают: насколько этот взрыв новой влюбленности зависит от воли человека?

Я считаю, что это зависит в первую очередь от его бессознательного. Новая влюбленность - это не «вдруг», она свидетельствует о внутреннем процессе, который происходит в человеке. Ведь наш образ идеального мужчины и идеальной женщины закладывается в детстве и в подростковом возрасте. И он очень тесно связан с образом родителей, как матери, так и отца, он впитывается через кино, книги, картинки и т. д. Идеальный образ тайно живет в бессознательном, и мало кому удается его разглядеть, пока он не выявляется через влюбленность. И то, что мы в первом ли браке, в первой ли любви не исчерпываем этого идеального образа, это факт.

Поэтому совершенно немудрено, что уже в зрелом возрасте у мужчины и женщины, состоящих в браке, просыпается влюбленность к другому лицу. Это может означать, что идеальный образ, запрятанный в бессознательном, оказался нереализованным, непознанным, неоткрытым, и вот он дает о себе знать. Важно понять, что это не просто случайность, или, как говорят, бес попутал, или что Господь послал испытание, а это проснулась какая-то внутренняя часть меня. И человеку, который привык жить духовной жизнью, стоит присмотреться: что это такое во мне проснулось? Чего я хочу? Вот я увидел новую девушку, новый образ, моя жена брюнетка, а вдруг я увидел блондинку, и она мне так понравилась. Что это? Почему вдруг именно она вызвала во мне такие ощущения?

В нашем грешном состоянии то, что мы так влюбляемся, это нормально. Это означает, что мы для себя в нашем бессознательном остаемся тайной. Результат ли это греха? Да. Именно то, что мы не знаем себя до конца, - результат всеобщего греха человечества. Это как бы наше экзистенциальное наследие, и ничего мы с этим сделать не можем. Но мы можем себя знать и за себя отвечать!

Управление взрывом

Новая влюбленность женатого человека - хороший повод задуматься. Понятно, что гормоны мешают, но не перекрывают возможности анализировать. Если уж я сам не могу, у меня могут быть близкие

мне духовные друзья. Это очень важная вещь - когда друзья могут помочь. Вот женщина рассказывает близкой подруге о своем увлечении, а та говорит: «Слушай, а чего ты так увлеклась этим мужчиной? Подумай - что он тебе?» Друг может подсказать какое-то решение. Верующему человеку духовник может посоветовать, если он человек опытный; психолог может помочь разобраться - тем, кто этим методом не пренебрегает. Иными словами, есть способы даже в момент влюбленности поставить, по крайней мере, себе вопрос: почему вдруг я так влюбился в этот образ?

Нередко бывает, что это образ, связанный с материнским. И чаще всего материнский образ вызывает в нас новую влюбленность тогда, когда мы в душе еще носим надежду на то, что найдется такая добрая волшебница, которая насытит меня, бедного и несчастного, материнским теплом, заботой и пониманием, которого я недополучил, как мне кажется, в детстве или в отрочестве. Ощущение недополученной родительской эмоциональной поддержки очень часто толкает нас к новым привязанностям.

Но дальше встает вопрос: а что же я делаю с этой влюбленностью? Понятно, что в какой-то степени я голову потерял. Это бывает, это еще не сам по себе грех, это не страшно. Но если я начинаю при этом выстраивать отношения на сближение, то это уже мой поступок, мой выбор. Я могу этого не делать, а могу делать.

Я могу быть влюбленным, но не сближаться с тем, в кого я сейчас влюблен. А уж если я был когда-то влюблен, я знаю - это проходит. Поэтому нужна выдержка, нужна зрелость для того, чтобы это просто переждать и не выстраивать ничего.

Но как только я, будучи в браке, начинаю выстраивать отношения с другой возлюбленной, тогда, конечно, это грех и разрушение семейных отношений. Ведь у меня появляется часть моей личной жизни, огражденная секретами, страхами и, как часто бывает, ложью. Я как бы переселяюсь в другую свою внутреннюю область, куда моя супруга не входит. Как правило, супруги это всегда тонко чувствуют: что-то происходит с другой половиной не так. Женщины, конечно, более тонко чувствуют. Мужчины, может быть, не очень, но тоже. Поэтому, по большому счету, ничего скрыть нельзя.

Познакомимся заново

Но все не так плохо: если влюбленность во время брака настигла одного из супругов, это может быть сигналом, что в их семье что-то не так, что их брак в кризисе, и с этим надо разбираться. Можно преодолеть многие разногласия, если есть любовь. Но для этого надо трезво представлять, о чем идет речь.

Если в состоянии кризиса супруги обращаются за помощью, это хорошо. Если нет - к сожалению, это уже риск. И тут важно понять: если человек влюбился, а женат не по любви и наконец он увидел любовь, то для брака это очень серьезное испытание. Я должен констатировать и как священник, и как психолог, что огромное число браков заключается не по любви, а по тому или иному выгодному фактору. Опыт показывает, что огромное количество вторых браков начинается именно с неудачи первого брака и новой глубокой влюбленности, которая может стать серьезной любовью.

Если же супруги решили разобраться в причинах своего разлада и сделать попытку сохранить свой брак, для этого надо вернуться на ступеньку назад. Ведь все начинается с познания друг друга. Если люди вступили в брак, не познав друг друга, это придется потом исправлять, насколько возможно. То есть когда супруги оказались в кризисе, то и психолог, и священник может им сказать: «Ребята, вы чего-то друг про друга не знали. Давайте теперь вы заново начнете друг с другом знакомиться». Сколько раз можно заново супругам знакомиться? Сколько нужно, столько и можно! При этом отдавая себе отчет в том, что на самом деле мы никогда не знаем друг друга до конца и часто живем в идеализированном представлении друг о друге. Но может оказаться, что я не хочу заново знакомиться с этой женщиной, она мне не нравится. И тогда придется принимать решение, как быть дальше. Да, это может быть началом конца. Но другого пути нет. Продолжать жить с неведомым человеком нельзя. «Я жил с ней, думал, что она такая и такая, ожидал от нее того и сего, а потом я увидел, что она совсем другая. О-о-о! С такой я жить не хочу». А где ж ты был раньше? Почему ты не использовал годы вашего брака, чтобы ее познать? Или, может быть, ты знал, что она другая, но тебе хотелось стать этаким Пигмалионом и переделать ее, создать из нее такую, как тебе угодно? Тогда ты несешь

ответственность за то, что ты сделал.

Любящие друг друга люди должны изначально понимать, что переделать никого нельзя, что супруг - самобытная личность, совершенно другая, со своими традициями. Для чего жених и невеста знакомятся с родителями друг друга? Не только для того, чтобы соблюсти вековой ритуал, а для того, чтобы узнать традиции другой семьи, чтобы подружиться, насколько это возможно, и составить себе правильное представление о том, с какой семьей ты собираешься породниться. В случае мезальянса это же сразу видно. Как только происходит знакомство с родителями, тут же понятен настрой семьи. Если одна семья согласна, другая не согласна или обе семьи против будущего брака - это уже зеркало тех конфликтов, которые неминуемо ждут молодоженов. Ромео и Джульетта - дети из враждовавших семей, и если бы Шекспир сохранил им жизнь и, что ему не свойственно, завершил пьесу хеппи-эндом, то рано или поздно эта вражда, скорее всего, проявилась бы в их браке. Поэтому открывайте глаза и смотрите, что вас ждет.

Тяжелая оскомина

Не знаю, стоит ли говорить, что наше время отличается особой вседозволенностью в области отношений мужчин и женщин. Всегда были люди крайне невоздержанные, пренебрегавшие общественными и религиозными нормами. Но время, которое досталось нам, очень располагает к тому, чтобы молодежь усвоила: главный критерий поиска спутника жизни - это именно качество сексуальных отношений. Все глянцевые журналы, ток-шоу на телевидении, вся реклама только и твердят об этом, побуждают искать все новых и новых партнеров, превращая секс в технологию.

С психологической точки зрения это - риск невозможности близких отношений. Если у мужчины или у женщины множество интимных связей с партнерами - это уже серьезная предпосылка для того, чтобы с каждой связью уменьшались шансы построить подлинные близкие отношения с другим человеком. А ведь каждому человеку, как бы он ни демонстрировал свою раскрепощенность, необходимы настоящие близкие эмоциональные отношения. Все хотят быть любимы!

Чисто психологических причин тут немало. Во-первых, надо понять, что выстраивание близких отношений требует времени, которое измеряется не днями, а месяцами и годами. Стало быть, если у мужчины или женщины в период молодости, до 30 лет, было более трех сексуальных партнеров, значит, отношения с ними не были глубокими. Просто времени бы не хватило, если учесть, что на проживание каждой связи в среднем нужно три года.

Во-вторых, если отношения не были глубокими, то от них остается тяжелая оскомина и стыд, потому что человек рано или поздно обнаруживает, что он вступил в отношения, даже не зная с кем. Конечно, мужчина помнит лицо партнерши, иногда - ее внешние особенности, а вот каким человеком она была, он порой не может воспроизвести. И даже в самых жестких, в самых «казарменных» разговорах мужчины, хвастающие многими связями, относящиеся и к женщинам, и к самим себе с огромным цинизмом, говорят: я же не какой-нибудь там, я вот все-таки знаю, с кем я могу, а с кем я не могу. То есть даже на самой нижней планке нравственного чувства мужчины (а я с этой стороны знаю только их) пытались интуитивно найти некий критерий невозможности, ниже которого уже некуда падать… С психологической точки зрения это все высказано совершенно точно, потому что у человека возникает чувство, что он себя распродает, он как проститутка себя ощущает. Ведь проститутка - это гибель личности, когда происходят необратимые изменения. Так же и при множественных связях - сначала незаметно, а потом все более явно происходят необратимые, разрушительные для личности изменения.

Но поймут это мужчины и женщины, только когда им будет за 35. С ужасом поймут. С содроганием женщина может признаться на консультации или на исповеди: как только она подумает о том, что до ее любимого мужа у нее были другие мужчины, у нее все внутри холодеет и ее тошнит. Она говорит: «Что я делала с собой?!» Она не была проституткой, она искренне отдавалась каждому увлечению, но теперь она чувствует, что она себя разрушала, унижала.

Молодым кажется, что у них хватит сил это преодолеть, забыть, не обращать внимания. Ничего подобного! В зрелом возрасте все всплывает: каждое слово, каждое отношение. Но молодые люди в это

не верят, они открыты для поиска все новых и новых эмоций, удовольствий, контактов, а массовая культура их всячески к этому стимулирует. Увы, с каждыми новыми сексуальными отношениями реальность настоящих отношений уменьшается. Это непреложный психологический факт.

Глубокие же отношения, которых жаждет каждая душа, требуют напряжения всех сил личности. И это возможно в том случае, если человек сосредотачивается только на одних отношениях и все другие для него не существуют. Только тогда может состояться подлинная любовь, которая раскрывается, повторюсь, в знании, внимании, уважении, ответственности и заботе. Если все это, действительно, реализовать, на другого или на других уже не хватит сил и времени.

Любовь все превосходит! Любовь всем дорожит! Любовь все созидает к счастью, если мы ее слышим.

Творчество как стратегия

Мы обречены на творчество

Говоря о творчестве, многие сразу представляют художника, писателя или скульптора - людей так называемых творческих профессий. Я бы сказал, что это верно, но этого недостаточно. Каждый человек не просто имеет в своей жизни место для творчества, но он обязан творить, потому что чуть ли не каждый час оказывается в ситуации, где слишком много неопределенностей, где перед ним возникает новая задача, не имеющая аналогов. Простой пример: водитель ведет машину. Дорога никогда не бывает совершенно одинаковой, каждое мгновение ситуация на дороге меняется, и ему надо принимать, по сути, новые решения. Можно назвать это микротворчеством, но в нем все равно есть элементы настоящего творчества. Выходит, каждый человек обречен каждый день творить себя, свою личность и творить свою жизнь. Человек является творцом по своей природе, творчество заложено в нем как неотъемлемое проявление образа и подобия Божьего. 06 этом говорили почти все святые отцы начиная с Оригена и Василия Великого.

В отличие от других существ, человек - незапрограммированное существо, у него нет типового поведения. Хотя иногда люди

стремятся к поведению по шаблону, по какому-то уже известному, сложившемуся навыку, по инструкции. Почему это происходит, почему мы избегаем творчества в своей жизни? Потому что творчество - это ответственность и риск, ведь каждое самостоятельное решение может быть ошибочным. Люди, которые с детства боятся допускать ошибки, обычно очень осторожны и с подозрением относятся к творчеству, потому что творчество - это свобода и, следовательно, ответственность. А ответственность сопряжена с тревогой, со страхом быть наказанным, быть осмеянным за ошибку или неудачу.

Комплекс «отбитых рук»

Как правило, эта проблема укоренена в детстве. В каждом ребенке творчество проявляется чуть ли не с младенчества. Дети - чрезвычайно творческие, энергичные, радостные существа. Они все время готовы что-то делать, трудиться, постигать новое, пока им не «отбивают руки», как говорят в народе. Вот самые простые вещи: мама не обращает внимания на рисунок, который завершил ребенок, или домик, который он построил, или машинку. Просто не обращает… Ей все равно, она занята чем-то своим. Когда отец говорит мальчику, который мечтает построить лодку или самолет: «Да что ты! У тебя ничего не получится. Ты это не сможешь». Такие слова ложатся слой за слоем в душу мальчика с раннего детства. К сожалению, мы, взрослые, виноваты перед детьми: мы можем ляпнуть ребенку, что «у тебя руки не из того места растут», а ребенок слышит это как ужасный приговор. Ведь дети некритически воспринимают слова взрослых. Они не могут осознать, что взрослые в этом выражают свою эмоцию или какие-то опасения, а вовсе не оценку своего ребенка. И дитя выносит из этого неосознанное, но очень глубокое и твердое убеждение, что он самый беспомощный и бесталанный, что не стоит даже и начинать какое-то новое дело, потому что все равно ничего не получится. И для того, чтобы не убеждаться в этом лишний раз, безопаснее просто ничего не делать. Родителям важно понять, что этого ни в коем случае нельзя допускать.

Но если в детстве ребенку «руки отбили», то это очень трудно в зрелости преодолеть. Возможно, но очень трудно. Для этого нужно, конечно, мужество, риск изменить себя, изменить привычки души.

Важно, чтобы человек осознал, что у него такой комплекс есть - комплекс неудачника, неумелого человека и т. д., потому что за долгие годы перестаешь это замечать за собой.

Во-первых, на пути преодоления этого комплекса необходимо позволить себе совершать ошибки. Это очень важно, потому что без ошибок не бывает ни творчества, ни учебы. Во-вторых, надо полюбить само дело. Если мы, начиная дело, скорее стремимся к результату, то, очевидно, мы сделаем это дело не очень хорошо, некачественно. Надо полюбить сам процесс. В этом смысле мальчики могут поучиться у девочек, потому что мальчики настроены на успех, на результат, а девочки нацелены чаще на процесс, им это больше нравится.

И последнее: не стоит рассчитывать, что все получится с первой попытки, так почти никогда не бывает. Нужно настроить себя на то, что попыток может быть несколько, что придется не раз возвращаться к начатому и делать, делать, делать, пока не достигнешь результата. Но, вообще-то говоря, с серьезным комплексом неполноценности надо работать со специалистами, это уже путь психотерапии.

Творчество как процесс

Здоровой душе творчество доставляет величайшую радость, несмотря на ответственность, на риск и связанную с ним тревогу, потому что в творчестве есть несколько очень важных эмоциональных моментов.

Во-первых, это ощущение себя могущим. Не могущественным, а могущим, т. е. ощущающим свои способности, возможности, таланты, навыки, знания и т. д. Ведь когда ребенок играет, у него коробочка из-под чего-то превращается в машинку, а какие-то флакончики - в ворота, или он из кубиков строит домик и играет с этим. Таким образом, ребенок реализует возможность представлять, возможность творить, преображать, создавать свой мир. Может быть, это одно из самых замечательных проявлений творчества, ребенок в этот момент - по-настоящему творец, без всякой рефлексии. Он, конечно, не знает, что это так называется, но для него это величайшая радость.

Вот так и взрослый человек - ему тоже доставляет величайшее удовольствие и радость, что он что-то сам может. Когда человек

садится за письменный стол, берет бумагу, карандаш или ручку, в этот момент он, если будет внимателен к себе, может ощутить некий внутренний подъем, какую-то тихую радость - предвкушение созидания. Даже если он просто напишет одну букву на чистом листе, но напишет ее с удовольствием, красиво (это могут быть его инициалы или первая буква имени любимого человека), он сотворит нечто новое, небывалое. Такую же радость предвкушения я видел в глазах людей, которые берут топор и готовятся обтесывать бревно, чтобы построить дом. Начинается рабочий день, они собираются строгать доски, устанавливать стропила или поперечину… Казалось бы, ежедневная рутина! А люди могут испытывать прекрасное ощущение своих возможностей и сил, предстоящего созидания.

Во-вторых, творчество как поиск решения всегда увлекательно, это занимает и детей, и взрослых. Мы видим энтузиазм ученого - это ведь не только стремление к самореализации, к открытию, но это ежедневный труд, который приносит радость. Он далеко не всегда бывает успешным, но ученый радуется самому процессу поиска, даже еще до результата. Ведь насладиться результатом - это одна сотая часть всей радости творчества. Кстати говоря, многие творческие люди свидетельствуют, что, когда какая-то работа завершена, они быстро теряют к ней интерес.

Но, как мы уже говорили, творчеству сопутствует риск. Ведь чаще всего на девять ошибок приходится одно удачное решение, и это нормально. Конечно, странно было бы радоваться неудаче, но она не должна отнять радости творчества. Сделав паузу и поразмыслив над своей ошибкой, человек понимает, что эта ситуация его даже подзадоривает, побуждает искать правильное решение. Он продолжает творить, ему опять интересно. Иногда, бывает, устанешь и бросишь все, больше даже думать не можешь о работе. Но, проснувшись рано утром, опять возвращаешься к своим задачам. Так что не надо думать, что творчество - это всегда победа, радость, наслаждение. Вовсе нет. Это очень часто неудачи, а иногда - болезненные провалы. А когда речь идет о каких-то серьезных поисках, когда это стоит здоровья или жизни человеческой, это просто трагедия. Жизнь не может быть принесена в жертву творчеству, Господь так не устраивал мир. Когда ученые испытывают

новое оружие, сколько людей погибает! Это ужасно. Творчество не должно выходить за пределы человека, уничтожая его самого.

«Красота спасет мир»

С другой стороны, очень важно увидеть в творчестве еще и некую эстетику, которая всегда эмоционально окрашена. Рассказывают, что знаменитый авиаконструктор Туполев, сидя в шарашке, чертил крыло самолета и вдруг говорит: «Некрасивое крыло. Оно не полетит». Красота - непременный атрибут творчества. Мне посчастливилось, я был знаком с несколькими разными людьми - специалистами в своей рабочей профессии. Один был кузнец, другой был хороший плотник, третий - столяр, а четвертый - токарь-стан очник. Я наслаждался, глядя на то, как они работают. И им процесс работы доставлял радость. Я это видел: кто-то пел, кто-то частушки сочинял, кто-то любовался только что выточенной деталью. И это при том, что некоторые из этих профессионалов были уже погибающими алкоголиками. Но радости творчества у них было не отнять, и они любовались своей работой. Например, кузнец, обрабатывая горячую заготовку, обращает внимание на то, каким цветом она светится. Тот, кто когда-нибудь имел дело с горячим металлом, знает, что палитра цветов очень информативна, она зависит от температуры, от качества металла, от добавок и примесей. Когда заготовка прогревается, сразу видны радужные слои, а при закалке надо достичь вороного или соломенного цвета. Что это, как не эстетика горячего металла? А сварочные работы? Казалось бы, что может быть прозаичнее? А тоже красиво. А бывает, что даже к сварке можно подойти изобретательно. Один сварщик решил удивить продавщицу, чтобы она ему до открытия магазина продала спиртное. Он нашел пустую бутылку и приварил ее к листу металла, да так крепко, что никто не мог оторвать. Он настолько хорошо знал сварочное дело, что в туже минуту «изобрел» способ использования малого тока, чтобы стекло не выгорало, а только плавилось на обмотке электрода, и горячее стекло смешалось с металлом. Мотивы, что и говорить, были у него самые приземленные, а подход - вполне творческий, даже эстетический.

Вспомним, что Бог, сотворив мир, все время приговаривал: «Хорошо весьма», то есть для Бога существует эстетика. И в основании мира,

при творении Солнца, Луны, Земли и неба, была красота. Адам с Евой, Эдем и вся Земля, несомненно, были красивые. Несомненно - потому что все это создавалось с любовью, а красота есть не что иное, как образ любви. И знаменитая фраза Достоевского «Красота спасет мир» - об этом, она должна пониматься исключительно по-библейски, потому что за красотой стоит любовь, которая уже спасла мир. И еще спасет. Поэтому и процесс творчества сам по себе очень радостный и любовный.

Кривой монастырь

Стоит поговорить также о ситуациях, связанных с монашескими традициями. Например, в некоторых житиях мы можем прочесть, что некий талантливейший, одаренный человек приходит в монастырь, и духовный наставник, желая погасить в нем всякие тщеславные мысли, отправляет его на самую грубую, грязную работу. Послушник, таким образом, отказывается от своей свободы и подчиняет свою волю, а стало быть и всякий творческий порыв, духовнику. Конечно, это происходит через ломку, как мы бы сейчас сказали. Но человек, который встал на духовный путь, знает, ради чего он отказывается от творчества, от своих художественных или интеллектуальных талантов, - ради обретения другой красоты, внутренней цельности, молитвенности, трезвения, покаяния. Если человек соглашается на такое послушание, значит, он знает, зачем это ему нужно.

Другое дело, когда молодые ученики предоставляют себя ломать духовникам, не зная - зачем, просто потому, что они слышали: монаху подобает послушание. Вот это беда, потому что чаще всего это кончается ломкой жизни. То же самое касается духовников. Если они хотят каким-то образом преобразить личность ученика и начинают сокрушать его таланты, не понимая, не провидя его будущность, то горе таким духовникам. Они за это отвечать будут.

Вообще, любая школа, а аскетика - школа суровая, связана с пересмотром стереотипов, трансформацией определенных структур в личности человека. Но такое изгнание личного творчества из жизни послушника нельзя назвать общеупотребимым аскетическим приемом, это оправдано лишь в некоторых случаях. Известна, например, история про преподобного Пафнутия, который специально криво построил монастырь, чтобы не тщеславиться. Его мотивы

понятны: он монах, всячески хотел славы убежать и, не желая выслушивать комплименты

(«Какой у вас красивый монастырь!»), дал задание построить здания неэстетично, чтобы внешняя гармония не отвлекала от духовного делания.

Но иногда в церковной среде художественное творчество и желание что-то сделать красиво воспринимается как нечто излишнее, ненужное. Сами посудите: если бы это было общехристианским правилом, не было бы ни прекрасных икон, ни храмов красивых, ни Андрея Рублева, ни храма Покрова на Нерли - ничего не было бы красивого. Но поскольку мы видим огромное число памятников христианского искусства, признанных во всем мире, невозможно говорить, что отрицание творчества - в природе христианства. Такого нет и быть не могло. Потому что Бог дал человеку дары с любовью, а любовь превращается в красоту.

Ну а когда некоторые церковные деятели или слишком ревностные миряне отрицают все проявления творчества, кроме церковного, это просто мракобесие какое-то. Христианин должен быть открыт всему подлинному в светской культуре, и не только из миссионерских соображений (чтобы находить общий язык и «приобрести хотя бы некоторых» (1Кор.9:22)). В каждом подлинно высоком произведении искусства выражено религиозное чувство, даже если сам художник этого так не формулирует. И христианин может получить духовную пищу и от просмотра хорошего кино, и от чтения качественной литературы, от похода в музей или от путешествия, осознавая, что все лучшие проявления художественного творчества - это дар Бога, который Он посылает через художников. Для современного человека это является необходимой подпиткой.

Все мы работаем...

Церковь чтит созидателей

Люди, которые состоялись, реализовались, накопили значительное богатство, чтобы что-то построить для других, а также те, кто стремился к высотам в ремесле, в искусстве, они Церковью почитаемы, многие из них прославлены. Мы знаем имена архитекторов, меценатов и благотворителей, и Церковь их чтит.

Скажем, всем в Москве известен Институт скорой помощи им. Склифосовского, но мало кто знает, что это Странноприимный дом графа Николая Петровича Шереметева. А Церковь его память чтит, он упоминается в церковных анналах как человек, который подарил людям большую больницу и красивый храм при ней.

Церковь с уважением и благодарностью поминает иконописцев, причем не только тех, которые были монахами, как Андрей Рублев. Церковь почитает также литераторов и мыслителей: Достоевского, Гоголя, братьев Киреевских и многих других. Церковь выделяет воинов, полководцев, например Федора Ушакова, Александра Суворова, причем однозначно с положительным знаком, вплоть до святости.

А кто не сохраняется в церковной памяти? Как правило, политики и чиновники. Эти наблюдения позволяют вывести церковное отношение к профессиональной деятельности: Церковь не ограничивает стремления человека к успеху в профессии, в служении. Стремление к повышению в должности, получению ученой степени или международной премии и т. д. - все это, я думаю, Церковь принимает и даже поощряет. Но если это становится самоцелью, если для человека получение признания, нового социального статуса становится самым важным, а все остальное для него служит лишь только средством, такому человеку с Евангелием будет трудно.

Например, банковский служащий честно служит в своем банке, добросовестно делает свое дело, стремится зарабатывать больше и составляет свой собственный капитал, и если он при этом не обкрадывает никого и сам живет по заповедям, если он христианин - это Церковью приветствуется. Кто же объят жаждой достатка, а о совести забывает - тот от Церкви удаляется. У меня есть много друзей, известных философов и архитекторов, которые прекрасно сочетают в себе и свою религиозность, и свой талант, и свою работу, даже если их работа Церковью не может быть воспринята практически. Думаю, это составляет хороший фон для молодых людей, которые хотят состояться и реализоваться в профессии.

Где сокровище ваше?

Иногда спрашивают: как верующему человеку, особенно мужчине, примирить в своей душе, с одной стороны, стремление быть успешным среди своего окружения, а с другой стороны - смирение как избегание любой славы, известности, статусности. Я в этом случае вспоминаю двух своих весьма состоятельных знакомых.

Один человек быстро разбогател в 1990-е годы и жил на широкую ногу, покупая себе очень дорогие дома, машины, яхты и прочее. Мотивация у него была простая: если он не будет приобретать столь дорогих вещей, его не поймут друзья и партнеры по бизнесу. Богатство, роскошь должны были свидетельствовать о его успехе. На мой взгляд, это иллюзия, свойственная стране с начальным капитализмом, этакая «гуляй, рванина!». Как тот старатель из знаменитого фильма «Угрюм-река», который вышел из тайги и покупает себе дорогую парчу на портянки.

Другой мой знакомец не менее состоятелен. Будучи постоянным членом одного прихода, он напряженно занимается бизнесом, работает очень-очень много. Достигнув высокого положения в бизнесе, он тем не менее отказывается от всех публичных должностей, которые ему предлагают, вплоть до Общественного совета при президенте, и ведет очень скромный, семейный образ жизни, старается жить по-христиански. Зато издает дорогие религиозные и художественные книги, заведомо нерентабельные, - это благотворительность. Кроме того, он много разных «мелких» добрых дел творит. Это ли не хорошо? Вот для чего его богатство! Нет никакого сомнения в том, что он целиком и полностью принадлежит русскому Православию в нашем традиционном понимании. При этом он не перестает стремиться ко все большему успеху, и у него это получается. А в бизнесе по-другому нельзя.

Но там, где эта успешность носит характер соревновательности, причем не с точки зрения прибавления капитала, или строительства нового завода, или освоения рынка сбыта, а соревновательности в дорогих предметах роскоши, в количестве каких-то наград, даже церковных, или в том, чтобы оказаться поближе к президенту, или машину с мигалкой получить, - вот это не просто порок. Это страсть, путь к погибели человеческой души. Но если ты финансист и

создаешь банк, и хочешь стать первым - не для того, чтобы твой лимузин был самым дорогим, а чтобы, например, устроить самую современную систему кредитования, удобную людям и приносящую пользу, то в этом нет никакого противоречия.

Иными словами, на мой взгляд, Православие говорит человеку: «Трудись, зарабатывай больше. Развивайся, приобретай новые навыки, даже соревнуйся. Получай призы, премии, пожалуйста. Но только чтобы это не коснулось глубины твоего сердца, которое принадлежит Богу!» Чтобы путеводной для нас была евангельская притча: «… где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф.6:21).

Где трудиться христианину

Если хочется построить свою жизнь по Евангелию, мы обращаемся к Христу. О Его детстве и юности евангелисты мало рассказывают, но очевидно, что до 30 лет, до выхода на проповедь, Иисус жил со своей семьей, с Марией и Иосифом, и, скорее всего, вместе с Иосифом работал. По поводу профессии Иосифа есть традиционное представление, что он был плотником. Но греческий текст дает и иное понимание - строительное мастерство, потому что «тектон» - это еще и строитель. И если Иисус был «строитель», то это ли не прекрасный пример для деятельности! Научитесь возводить дома для людей, научитесь мастерить стулья и столы. Это же здорово! Это же специальность, которую освоил Спаситель! Апостолы были рыбаками, а многие ветхозаветные патриархи - скотоводами. Известно, что преподобный Сергий Радонежский все время был в работе, да еще игрушки детские из дерева успевал вырезать. Монастыри занимались книгопечатанием. Разве мало разнообразных бизнес-идей для православного предприимчивого человека?

Но если вы хотите заработать на казино, на работорговле, на продаже оружия или на наркотиках, то ваша совесть никогда не помирится с Евангелием. Если вы хотите разбогатеть за счет «распилов» и «откатов», то совесть ваша не будет спокойна. Конечно, ни для кого не секрет, что есть масса направлений в бизнесе, которые в условиях нынешней российской коррупции без «откатов» работать не могут. Но если этот режим уйдет и все изменится? Можно же пофантазировать: и прокуратура, и суды, и МВД, и Следственный комитет вдруг занялись своими прямыми делами, положили конец

«откатам» и «распилам». Но люди на протяжении пятнадцати лет приучились работать только так, они уже не смогут перестроиться. И тогда крупный бизнес просто сгинет, а Россия останется со средним и мелким бизнесом - грустное зрелище!

Есть еще множество «пограничных» областей деятельности, которые криминальными не являются: например, желтая пресса, табачная фабрика. Человек работает, кормит семью, но совесть его саднит: выходит, что он травит людей табаком. Я знаю, что на Западе есть такая форма реабилитации в глазах общества, когда табачные компании вкладывают часть своих прибылей в медицинские эксперименты, в образование, детские дома содержат… Что касается желтой прессы, она печатает такие вещи, что ее просто в руки брать страшно. Я в метро еду, вижу, что люди это привычно читают, не замечая, что при общении с миром сплетен, слухов, жареных фактов и т. д. происходит необратимая деформация сознания. И горе сотрудникам этих газет, которые приучают людей к этому, посвящают свои таланты разжиганию низменных страстей.

Церковь не может сказать, что торговля табаком - это допустимо, равно как и торговля водкой, потому что это гибель народа. Когда народ спивается, конечно, это не может оставаться без нравственной оценки. Недаром в последние несколько лет Русская Православная Церковь инициировала и антиалкогольную кампанию в СМИ, и законодательные предложения по ограничению продаж алкоголя.

Мне кажется, что перед каждым человеком рано или поздно встает вопрос: деньги или совесть. И как он решит, зависит только от него.

Улыбка, радость, бессмертие

Любой человек может быть счастлив - и ребенок, и взрослый. Даже тот, кто не блещет никакими интеллектуальными способностями. Бывает, что в человеке уже с рождения так ярко пламенеет живая душа, которая есть источник радости, оптимизма и силы, что ему дополнительно уже ничего не надо. Но мы-то говорим о том, почему иные люди так несчастливы, как им открыть возможность счастья для себя. Как нам передать убежденность в том, что никаких препятствий ни у кого нет, что счастье у них в руках, оно реально?

Весть о бессмертии - через культуру и космос

Начнем с главного открытия христиан - евангельского благовестия о Воскресении, о человеческом бессмертии. Эта весть в течение столетий сформировала многообразнейшую христианскую культуру. Мы можем совершенно точно утверждать, что, наряду с древнегреческой, древнеегипетской культурой, индийской и китайской, христианская культура подарила человечеству мир красоты и счастья от созерцания красоты. Собственно говоря, в сегодняшнем мире доминирует именно христианский фундамент эстетизма, т. е. красоты и раскрывающейся в этой красоте любви Божьей. Исторически сложилось так, что именно христианская религия дала такое огромное многообразие и обилие радостных произведений в музыке, в живописи, в скульптуре, в неисчерпаемом море самых разных прикладных видов искусства! А это реально помогает человеку в жизни, потому что он обнаруживает в своем духе способность быть счастливым и радоваться.

Но, кроме этого, христианство открыло еще одну сторону отношения человека к миру. По сути дела, христианство подарило человечеству космос, который сотворен Богом для человека и обращен к нему. Современные ученые называют это антропным принципом: весь космос, в широком смысле, - для человека. Мне кажется, это открывает современному человеку огромную радость. Оказывается, наш мир - это не просто камень в безвоздушном пространстве, летящий неизвестно куда, безжизненный, холодный, пустой и наполненный льдом, пылью и газом. Нет, это космос, который создан для тебя, для меня. Причем создан с удивительной и надежной защитой от всяких космических «снарядов». Это сознание не просто помогает нам жить, а дает основу радости. Этот мир создан для того, чтобы хранить нас, чтобы сделать нашу жизнь счастливой.

Знаю, у многих это может вызвать недоумение: вся история человечества связана с тем, чтобы защититься от стихий этого мира. Но необходимая осторожность и защита себя и других от опасностей мира сего не отнимает способности радоваться. Это как радость победы в войне при огромных потерях. Это возможно? Конечно, многое страшит нас, многое может произойти с нами на нашей любимой планете, но это не лишает нас радости, если мы этого

хотим. Страх побеждается любовью и верой.

Вот эти две стороны: красота и открытие космоса - это очень важная вещь для понимания человеческого счастья. Мир не враждебен нам, он нам дружествен. Он нам сопричастен, открыт, мы им можем пользоваться. Отсюда и вдохновение огромного числа ученых и художников, которые открывают для себя этот космос.

Главный источник счастья - вера в бессмертие

Думаю, очевидно, что главным препятствием к счастью человека является неверие в собственное бессмертие. Но надо признать, что это, действительно, сложная вера. Нельзя одним движением чувства, одним волевым усилием поверить в Воскресение Христово и в собственное бессмертие. Это нечто более серьезное, тут требуется и внутренняя работа, и доверие, и любовь, и что-то еще - то, что мы называем любовью к жизни. Но это возможно, потому что мы имеем свидетельства такой искренней, твердой веры в ликах святых, которые не могли скрыть пасхальной радости при встрече с другими людьми! Таким был преподобный Серафим Саровский. Его приветствие «Христос воскресе, радость моя!» - это возглас счастливого человека, который хочет поделиться этим счастьем с другими. Откуда у преподобного Серафима была такая радость? Это же не от страданий, не от вериг, которые он носил. Источник его радости - та любовь, которая открывается во Христе и дает человеку переживание счастья. Причем такого полного счастья, которое даже при приближении врага не оскудевает. А у преподобного были враги, мы хорошо знаем, как он это переживал. Но это не лишило его счастья. Для него это была уже не просто вера - а воздух жизни. Так что же, преподобный Серафим был самый счастливый человек на свете? Думаю,

да. И не только он, но и бесчисленное множество святых, открывших для себя эту сторону жизни, которая основана на понимании, на вере, на ощущении личного бессмертия. Потому что все, что в этой жизни можно пережить тяжелого, даже катастрофического, все это не так страшно человеку, как его личная смерть, личное исчезновение, небытие. Это делает человека несчастным, потому что обесценивает всю его жизнь.

Напротив, вера в личное бессмертие, вера в Христа Воскресшего дает ощущение осмысленности любых страданий и переживаний, потому что за ними стоит нечто грандиозное, нечто неизмеримо большее, чем твоя жизнь, которая сложилась так, а не иначе. За этим стоит твое же личное бессмертие, в свете которого все совершенно по-другому: и болезни, и несчастья, и неудовольствия. И, на мой взгляд, вот именно это и есть главный источник счастья, который укоренен в христианской вере.

Я думаю, что древние христиане были воодушевлены собственным бессмертием и с этой верой шли на муки. Что значат сегодняшние страдания и мучения, если бессмертен сам человек и его душа! Они верили, что Христос Воскресший стоит рядом и протягивает руку каждому, и они были переполнены этой радостью. И поэтому христианство обладало мощной силой, оно ощущалось людьми в ранние века как религия жизни, вселяющая огромный оптимизм. Христианство было провозвестником того, что смерти больше нет. Да, она существует как переход из одного бытия в другое, но больше смерть не страшна, потому что она не есть предел.

Значит, все имеет смысл?

Вот эта благая весть дает основание очень многим жизненным стремлениям. Прежде всего, стремлению к смыслу. Если жизнь продолжается, значит, все, что я делаю здесь, имеет смысл. Имеет смысл моя любовь, мои поступки, мои близкие. Имеет смысл, что я оставлю после себя и как я продолжу жить со своими родными и любимыми в загробной жизни.

В свете бессмертия и любовь получает совершенно другое «расширение». Она становится созидающей силой, потому что она созидает не только здесь, не только временно - она творит на века. Любовь строит тот дом, в котором будут жить многие-многие люди: близкие, родственники, дети, внуки, правнуки и т. д. В психологической работе есть очень важный инструмент, которым мы нередко пользуемся, - это ощущение внуков и правнуков, ощущение силы и любви, которые им дают их предки, о которых они знают, что те родили своих детей в любви, что они любили друг друга. И люди ощущают огромную силу, исходящую от своих предков, как только они восстанавливают свои связи с ними. И именно бессмертие

определяет здесь христианское отношение к этим поколениям: они не исчезли, ведь для Бога нет мертвых. Тогда все обретает другой смысл.

Счастлив человек, который знает, что бессмертны его дела, его творчество, его профессия, его отношения с другими людьми. То есть все, что мы делаем каждый день, включается, вплетается в общую ткань жизни, которая не обрывается смертью. И тогда по-настоящему не страшны страдания и болезни. Вот здесь источник счастья в христианском понимании. Ведь мы прекрасно видим, что страх смерти бросает огромную, всепоглощающую тень на человеческое счастье. Если бы не страх смерти, люди совершенно по-другому воспринимали бы все события в своей жизни, совершенно иначе бы улыбались.

«На холод», в Россию

Мне бы очень хотелось, чтобы мои соотечественники почаще улыбались, потому что сейчас они в большинстве своем довольно мрачные. Обратите внимание на лица попутчиков в электричках, в метро: в лучшем случае, люди отстраненно дремлют, в худшем - они угрюмы, чрезвычайно напряжены, часто их лица выражают ненависть, презрение, страх. Общая тональность этих лиц достаточно депрессивная, пессимистичная.

Вспоминается, что в английских детективах, в том числе и тех, которые посвящены Джеймсу Бонду, есть устойчивое выражение - «отправить на холод». «На холод» - это означает в Россию, в Советский Союз. Если агента отправляли в Советский Союз или другую страну Варшавского договора, на сленге разведчиков это звучало так: «Он едет на холод». Мне кажется, это очень точная метафора, но очень грустная для нас, потому что это означает, что человек из западного мира, попадая к нам, чувствовал не только падение температуры воздуха, но холод человеческих взаимоотношений, не только враждебность к нему как к иностранцу, но и общую холодность людей друг ко другу. И до сих пор, увы, мало что изменилось.

Что с этим делать? Думаю, что одна из первостепенных духовных задач нашего народа - это вновь начать улыбаться, вновь начать петь.

Ведь пели же наши родители и их друзья, причем не только когда напьются, но пели при первой возможности: чуть перерыв или выходной, чуть какое-то радостное событие в семье - и гармошка откуда ни возьмись появлялась, и гитара была, и просто пели без ничего. Я помню, еще в 1960-е годы, когда я был маленьким, во дворах, как только воскресенье или какой-то праздник, люди выпьют немножко и начинают петь. Из одного, другого окна раздается пение. Это было здорово! А потом это почти что прекратилось. Возможно, люди перестали петь не потому, что в годы застоя, в 1960–1980-е, население стало слишком плохо себя чувствовать. Нет, я думаю, дело не в этом. Скорее, навалился груз общей тяжести: осмысление прошлого, трагизма своей истории, своих семей. Сейчас редко поют в компаниях, чаще сетуют на разобщенность, на засилье телевидения. Людям петь не хочется, настроение не то.

Не прячь улыбку

Научиться улыбаться и радоваться и заражать этим других - задача очень важная. Должен признаться, что я не представляю, как это сделать в масштабах всего нашего народа. Но несомненно, что каждый из нас может сделать что-то для себя, для своей семьи. Ведь дома, когда мы играем с детьми, или разговариваем с друзьями, или просто пьем чай на кухне с женой, мы же улыбаемся. Почему, выходя за пределы квартиры, мы «снимаем» свою улыбку и прячем ее под маской, в которой ходим по улице? Чего мы опасаемся? Что произойдет, если нас с этой радостной улыбкой узнают на улице? Позавидуют? Обругают? Пожелают зла? Унизят?

Тут нужна какая-то смелость, решимость. Эта решимость должна быть основана на стремлении к радости, на идее счастья. А вот есть ли такая идея? Я сейчас говорю даже не о знаменитых словах апостола Павла «Всегда радуйтесь», а вообще - о какой-то человеческой идее. Для каждого это может быть любая тема, лишь бы она позволяла радоваться.

Я думаю, что желание радоваться у людей в значительной степени умерло тогда, когда умерла надежда. Ведь надежда на светлое будущее, какой бы она ни была иллюзорной, обманчивой, надуманной, радовала людей, они верили, что «впереди будет лучше». А потом как-то оказалось, что впереди ничего хорошего нет.

И сейчас люди уверены в том, что впереди их ждет только худшее. И радости нет. Но я не думаю, что улыбаться можно только тогда, когда светлое будущее нам гарантировано. Скорее всего, это зависит от общей культуры людей, от их духовного настроя.

Рецепт для себя

А сам я радуюсь? На людях - улыбаюсь? Как-то один фотограф сделал несколько моих снимков, и я увидел, какой я сам нерадостный. Я посмотрел на себя: напряжение, какая-то угрюмость, морщина на лбу от мрачного выражения лица… Оказалось, что лицо свидетельствует лучше, чем что бы то ни было, чем все мои воззвания.

Однажды у меня был такой случай: закончился международный симпозиум христианских психологов, мы уже улетали. В аэропорту одна коллега, психолог из Польши, подошла ко мне, когда мы уже стояли в очереди на регистрацию, и сказала: «А вы почаще улыбайтесь. Это людям очень нужно». Я хорошо помню ее слова. Видимо, на моем лице она прочитала недоумение, но ничего не объяснила, потому что по-русски плохо разговаривала, да и времени не было. Но главное, что я запомнил: наверное, мое лицо чаще выражает вовсе не то, что я имею в виду. Вот в чем мой рецепт и урок для себя самого: я, видимо, не выражаю радости в своем привычном состоянии. Поэтому «добывать», освежать эту радость - это что-то вроде работы.

Как только я обнаруживаю свое хмурое, озабоченное лицо, я тут же стараюсь «включить» на нем ощущение солнечного тепла. И сразу возникает видение окружающего меня мира, который наполнен радостью, благостью, щедростью. Перед глазами встают любимые картины: это и переулочек старой Москвы, и зеленеющий лужок, и закаты с восходами, и вечернее море… Я, кстати, очень люблю смотреть в интернете фотографии про природу, про путешествия, про зверей (за исключением постановочных кошечек) - это все такой естественный мир! Он почти всегда вызывает улыбку, дает ощущение солнышка на лице, чистой радости. А если еще вспомнить, что во всей природе, прямо на небе, написаны самые прекрасные слова: «Я вас люблю!». Ведь когда вы любуетесь закатом и восходом, знайте, что это Бог говорит всем: «Я вас люблю!» Это вызывает такой подъем! Но только надо приучить себя об этом думать, иначе

выражение лица опять станет хмурым.

Думаю, это духовная задача - радоваться и преображать этой радостью отношения хотя бы с двумя-тремя своими близкими. Посмотрите на грузин или итальянцев: они каждый день садятся вместе, поют, произносят тосты (а ведь это производные молитвы и проповеди), смеются, общаются. Они радуются! Последуем же их примеру!

Страх побеждается Воскресением

Страх побеждается Воскресением

Первая и наиглавнейшая страсть, которая является основным препятствием между человеческой душой и счастьем, - это страх. Страх очень разнообразен, и власть его над человеческой душой поистине сатанинская. Именно страх - главная страсть среди всех страстей, царица страстей! А в основе любого страха лежит страх смерти, он перекрывает человеку возможность быть счастливым.

В чем состоит задача христианина, который стремится быть счастливым и сделать счастливым других? Преодолеть этот страх.

Его нельзя уничтожить, потому что страх смерти совершенно объективен. В результате грехопадения мы утратили свое бессмертие, которое было подарено Богом нашим прародителям Адаму и Еве. Этот дар мы потеряли и стали смертными не только потенциально, но и, так сказать, актуально, т. е. каждый день приближает нас к смерти.

Победой над этим страхом является Воскресение Христово. Христос Воскресший говорит человеку: «Отныне ты бессмертен. Я сокрушил то, что тебя угнетало до сих пор, - Я победил смерть. Теперь ты можешь быть счастливым». Вера в спасение - это и есть, собственно говоря, вера в личное бессмертие и в личное блаженство после смерти, т. е. то, что мы называем счастьем. Все остальное может быть выстроено человеком в своей жизни, если у него есть вот это главное качество его веры.

Значит ли это, что такое счастье отрыто только христианскому сердцу? И да, и нет. С одной стороны, несомненно, вера в личное бессмертие помогает человеку преодолеть страх смерти, другого

средства здесь нет. Но у людей, неверующих во Христа Воскресшего, все-таки есть какие-то паллиативные представления о своем бессмертии: в виде продолжения своей жизни в детях и правнуках, в своих творениях, в человеческих взаимоотношениях, т. е. вера в то, что, если я оставляю после себя некое добро, я буду жить дальше. В отдаленном, усеченном смысле это людям помогает преодолеть страх и в какой-то степени быть счастливыми в тех делах, которые, как они надеются, их переживут.

С христианской же точки зрения, конечно, это не решение вопроса. Но беда заключается в том, что для современного верующего человека вера в догмат Воскресения - серьезная трудность. Приходится встречать христиан, которые на исповеди говорят о том, что они не верят в собственное воскресение и в жизнь за гробом. По их словам, в христианстве их удерживает «моральный кодекс»; они считают, что нельзя отказываться от нравственных требований, что необходимо держаться за них как за некие правила, без которых в жизни и в отношении к другим людям наступит полный хаос. Эти несколько человек высказали свое неверие в Воскресение. А я думаю, что очень многие люди не признаются, но совершенно не верят в то, что их жизнь не кончается смертью, что их душа обладает бессмертием, что наступит день телесного воскресения всех умерших. Мне кажется, что это беда современного поколения христиан, а про нехристиан и говорить нечего.

И это неверие - достаточно сильный источник депрессии и, соответственно, отсутствия счастья. Вспоминаются пушкинские строки: «А счастье было так возможно, так близко!» - да страх смерти перекрывает эту возможность. Счастье заключается в убежденности, что я не умру, что я и мои близкие будут жить вечно. В пасхальном ликующем тропаре «Христос воскресе из мертвых» и заключается наше эмоциональное свидетельство о нашем христианском счастье.

«Боженька накажет»

Личные отношения с Богом Отцом - это общее для всех авраамических религий, но говорить о прощении и о победе над смертью мы можем только в христианстве, а больше нигде. К сожалению, у многих христиан неявно, но преобладает ветхозаветное отношение к Богу. Отсюда учение о Боге карающем, о Боге судящем,

о Боге, презирающем людей. Наверняка каждый из нас слышал, как ребенку говорят: «Не делай так, Боженька тебя накажет».

Последствия такого высказывания взрослого человека глубоки: ребенок принимает все за чистую монету, и это путь к страху, безверию и вражде против Бога. Но и в голове у взрослого, который такое произносит, видимо, укоренено представление о том, что Бог - не любящий и дающий человеку бессмертие, а карающий и уничтожающий людей. Это не христианство. Даже в Ветхом Завете это было далеко не везде. Все-таки ветхозаветная идея воздаяния «око за око, зуб за зуб» хоть и звучит угрожающе, но она, во-первых, ограничивала круг потенциальных жертв кровной мести (просто отменить «сверху» ее тогда было невозможно), а во-вторых, сочеталась с идеей Божьего милосердия, не заслуженного человеком блага. В сознании ветхозаветного человека образы Бога - строгого судьи и Бога милующего уживались.

Я думаю, неверие в свое прощение многим отравляет жизнь. Это такая своеобразная ересь внутри христианства, которая заключается в отрицании божественного прощения. Мне кажется, что счастье человеку открыто и дано. Дано в прощении Божьем. И то, что человек проходит мимо него, или отказывается от него, или не замечает его, - это причуда его духовного пути. Даже в христианстве такой человек ухитряется выбрать аспект суда и наказания, а не аспект прощения и любви.

«Я самая великая грешница!»

Евангелие дает нам примеры того, как связь человека и Бога восстанавливается через прощение: это и благоразумный разбойник, и блудный сын, это и множество исцеленных и прощенных Господом людей. Вся история Церкви полна чудесных примеров прощения отчаянных грешников.

Многие святые отцы обращали внимание на фундаментальную вещь: вся сумма грехов менее значима, чем бесценная человеческая душа. А это означает, что для Господа ценность живой души человека несравнимо весомее, чем его грехи. Вера в то, что грехи могут перевесить добрые дела, - разве она не еретическая, не мракобесная? Ведь возвеличивание грехов и их меры в человеческой жизни - это,

скорее, вера в дьявола, как бы угождение ему. «Нет таких грехов, - это слова Исаака Сирина, - которые Господь простить не может».

Один мой знакомый, когда посмотрел фильм «Страсти Христовы» Мэла Гибсона, сказал: «Я теперь понимаю, что нет грехов, которые могли бы сравниться с вольными страданиями Христа на кресте. Все Он там искупил, все простил». А когда человек говорит: мол, мои грехи таковы, что меня Господь не простит, значит, он отрицает спасительную миссию Христа, с одной стороны, а с другой стороны, он утверждает гордыню через свою греховность. Поистине, такой сатанинский метод: «Я такой великий грешник, что меня спасти нельзя. Зато какой я великий!» Таким образом многие люди пытаются восполнить свою низкую самооценку. Нередко можно услышать на исповеди: «О, я великая грешница!» Сами понимаете, чего стоит такое признание.

Это происходит от непонимания основ христианской веры. Еще раз: все грехи не могут затмить значимости, ценности и красоты человеческой души и любви Бога. По сравнению с бессмертием человеческой души грех ничтожен, но он - препятствие, он стоит между Богом и человеком. Преодолеть грех возможно. Разумеется, для этого нужны вера, воля и труд.

В ожидании последних времен

Вспоминаю одну православную семью, в которой четверо детей. Они живут в напряженном ожидании последних времен и целенаправленно запасают гречку и тушенку. А еще у них есть два ружья, потому что, когда придут голодные времена, нужно будет защищаться. И рождается вопрос: это же наша единая Церковь и все мы от одной Чаши причащаемся, как такие полярные мировоззрения могут в ней существовать?

Слава Богу, что у Церкви есть возможность сохранить здравомыслие, несмотря на то что кто-то запасает гречку. И это опять страх! Но то, что такие параноидальные черты проявляют многие люди, - это факт и признак патологии. Кто-то попадает под влияние лжестарцев, включается в ожидание последних времен, со всеми вытекающими из этого последствиями, или вступает в борьбу с «врагами Православия». Слова Христа и апостола Павла начинают

воспринимать метафорически, а главная установка черпается из сомнительных псевдоцерковных источников. Атам можно прочитать, что впереди только смерть, Антихрист, завоевания, оккупация, что Россию - последний оплот Православия - разделят иностранные державы, и тотчас наступит конец света, поэтому остается только покаяние. Была уже такая истерия в России накануне 1492 года: согласно принятому на Руси летоисчислению заканчивалась седьмая тысяча лет от Сотворения мира, и многие верили, что после этой даты наступит конец света и Страшный суд. Поэтому поля не засевали, дома не строили и даже пасхалий на следующие годы не написали. Подобные черты в более мягких формах проявляются среди церковных людей не так уж редко. Но при этом сама Церковь никогда не заражается этой паранойей. Она живет и вновь рождает своих чад, преодолевая все социальные болезни.

Не надо забывать, что эти аномальные явления имеют свои корни не столько в духовной сфере, сколько в области общенациональных проблем, учитывая наследие чудовищного для России XX века. Нечто подобное, но в меньшей степени, переживают такие страны, как Сербия, Черногория, Болгария, Греция. Некоторые из них находились под коммунистическим гнетом, правда, не таким свирепым, как у нас, а некоторые сравнительно недавно (по историческим меркам) освободились из-под турецкого ига. По сути, это исключительно социальные фобии, они лишь облекаются в религиозную форму. Достаточно прочитать Евангелие и сформулированное в церковном Предании учение о Страшном суде, чтобы это увидеть. Люди, которые по благословению продают квартиры, уезжают в далекие деревни, закупают продукты, пытаясь жить абсолютно независимо от внешнего мира, - они ведь на самом деле не к Страшному суду готовятся. Закамуфлированный мотив таких действий - это страх перед захватчиком, подсознательная подготовка к оккупации другим народом, а вовсе не Антихристом. Потому что Антихрист, как известно, как раз всех накормит и ублажит, и гречки будет вдоволь. То есть эти страхи - не религиозного характера, в них проявляется параноидально-истерическая болезнь общества.

Новые страхи

В наше время появились и совершенно особые страхи: нагнетается

беспокойство, связанное с «победой общества потребления», с постмодернизмом и глобализмом, который «уничтожит не только все христианское, но и человеческое». Есть ли основания бояться? Конечно, страшно, когда человек теряет свою свободу. Главное, чего люди боятся, - что их сделают рабами. Все боятся войны, голода, нищеты. Как ни странно, гораздо меньше боятся экологической катастрофы и экономического кризиса. Боятся потерять работу - да, но кризис сам по себе никого не пугает. Наши соотечественники боятся, что обесценятся зарплата и пенсия, и у них есть для этого веские основания. Серьезные опасения вызывают неуклонное удорожание лекарств, медицинских услуг, одинокая и беспомощная старость. Все эти страхи реальны.

Что касается экологии, то, на мой взгляд, здесь следовало бы страшиться в гораздо большей степени. То, что происходит в нашей стране, - чудовищно. Люди могут уничтожать вокруг себя все: лес, траву, воздух, воду, почву. Подъехать на машине к лесу, вывалить помойку или вылить в траву отработанное масло - обычное дело. И если вы к людям подойдете и скажете: «Что же вы делаете?!», то они сразу даже не поймут, о чем вы. Всего-то полтора десятка лет, как у нас появилась возможность купить свой клочок земли. А ведь многие поколения наших предков были этого лишены. Когда в советское время приговаривали: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое», подразумевалось не «мое», а - «ничье». Земли много, хозяина нет, поэтому можно захламлять ее всеми отбросами. В Москве все закидано пивными банками, окурками, жвачками, заплевано. Но здесь, по крайней мере, уборщиков много, а в других городах и поселках ничего не убирают, все так и валяется. Потом все это истирается подошвами и колесами машин, и поднимается пыль в воздух, попадая в наши глаза и уши, мы всем этим дышим. А в маленьких прудиках моем машины, купаем собак - и детей заодно. Складывается впечатление, что люди совершенно не осознают, что происходит, что земля гибнет. Но главный загрязнитель - не люди, а государство и крупный бизнес. Горожане не могут так отравить реку, как отравляет ее один только завод, сбрасывающий туда свои ядовитые отходы, и это властью практически не контролируется.

Почему мне не страшно

Скажу о себе: мне не страшно. Не страшно потому, что Бог победил мир. И если Бог этот мир, побежденный Им, дал людям, значит, мир нам не опасен. Мы не умрем, хотя можем изрядно отравить себе жизнь. Мы будем жить! И потому, даже если горька будет наша жизнь в отравленном мире, не страшно! Не страшно жить с Господом! Счастье сильнее страха! Так я чувствую. Чувствую не в безмятежности, а в непрестанной, ежедневной борьбе помыслов страхов (самых разных) и помыслов радости. И если страхи поднимаются из глубин бессознательного, то радость нужно ухватывать сердцем на взлете, в прыжке. Чтобы сорвать самое сладкое, спелое яблоко на дереве, нужно подпрыгнуть, взобраться повыше. Так и здесь - чтобы вернуть себе радость, нужно душой приподняться чуть ввысь, чуть над собой, поднять глаза вверх, увидеть небо. Небо!

Такое, увы, приходит не сразу: потребовалось много усилий над собой, духовных поисков, самопознания и покаяния, психотерапии, самодисциплины, чтобы усилия эти достигли результата. «Ищите и найдете» (Лк.11:9), - говорит нам Сам Господь.

Страдания не больше жизни

Буря эмоций

В каждом человеке, даже в самом уравновешенном, бурлят эмоции, которые зачастую мешают привести в порядок свою жизнь, мешают быть счастливым. Конечно, счастье - это яркое эмоциональное переживание, оно затрагивает и душу, и тело, и дух - все вместе. Но тут нужно отличать эйфорию, экстаз или эмоциональное опьянение от подлинной радости, блаженства, счастья.

Человек время от времени оказывается в эйфории, например когда влюблен. Но это скоротечное состояние, а не постоянная жизнь. Эйфория влюбленности сопровождается повышением уровня гормонов в крови, она связана с определенной химической составляющей человеческих эмоций, как бы неромантично это ни звучало. Но все это проходит через несколько месяцев, поэтому, как мы уже говорили в главе о любви, психологи не рекомендуют в это время принимать решение о вступлении в брак. Надо подождать,

пока эмоциональная буря уляжется.

Конечно, помимо этого могут быть самые разные состояния, которые приводят к ярким эмоциональным переживаниям. Но они тоже проходят. Подлинное человеческое счастье длительно, но дело не только во времени. Счастье тоже всегда ярко эмоционально окрашено, но в нем нет опьянения чувствами, а есть определенная умеренность, осознанность и самого чувства, и выражения чувств, и источника чувств. И главное: если этот источник внутри, если человек осознает, что он им обладает, тогда ему не нужна эйфория. Он удерживает себя в радости, все время с нею живет. Это образ духовной жизни. Это не означает, что он каждый день пляшет, что он каждое утро встает с безмятежной улыбкой, вовсе нет. В жизни каждого случаются потери, трагедии, стрессы, но счастливый человек способен сопереживать, сострадать сегодня, здесь и сейчас, другим и способен принимать свое горе. И это ни на день, ни на час не отлучает его от той радости, которую он в себе имеет. Однако ею он может воспользоваться только тогда, когда сочтет это возможным и нужным. Эмоциональное сопереживание другому - знак нелицемерной любви. Счастливый человек несет свое счастье неубывающим и тогда, когда сопереживает другому, и тогда, когда его самого постигают несчастья, и тогда, когда счастлив с ним рядом другой. Счастье не стихия, но ресурс, потенциал, «жемчужина» души.

Вот такое состояние человека, когда он способен сопереживать другим в тот момент, когда им это действительно нужно, и в то же время оставаться в своем внутреннем блаженстве, в своей способности радоваться и быть счастливым, - это и есть эмоциональная зрелость. Иными словами, личностная зрелость позволяет достичь управления эмоциями. Конечно, не на 100 %, не полностью, потому что у любого совершенного человека могут быть эмоциональные взрывы, всплески, падения и т. д. Но все-таки он способен это осознавать и способен действовать, даже в состоянии эмоциональных подъемов с любым знаком, в горе или в радости.

Окамененное бесчувствие

Ощущение счастья связано с пониманием своего места в мире. Невозможно стать счастливым без трезвого и смиренного узнавания

себя, своей меры и того призвания, которое Господь посылает.

Но для современного человека понимание себя - это очень трудно. Тонны глянцевых журналов, популярных брошюрок, бесчисленные тренинги занимаются, как кажется, ликвидацией психологической неграмотности именно под девизом «Познай себя!». Может, кому-то это и помогает, но, по большей части, люди привыкают пристально рассматривать оттенки своих желаний, что нередко приводит к болезненной сосредоточенности на себе. А она затягивает, и трудно потом из нее выбраться на свет Божий и увидеть ближнего.

Духовная зрелость предполагает не только знание себя, своих желаний и своих чувств, но и своих особенностей, своих отличий. Зрелость - это внутренний взор. Взор трезвенный и светлый: «.если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло» (Мф.6:22).

В прежние, докомпьютерные времена было принято вести дневники, причем этим занимались самые разные люди. Например, не только образованные барышни, писатели или общественные деятели вели ежедневные записи, но и многие подвижники, суровые аскеты тоже подвизались на эпистолярной ниве. Сегодня личные записи переместились в интернет-дневники. Но, согласитесь, далеко не все можно доверить публичному пространству. А для современного человека дневник своих чувств был бы очень полезен, потому что одна из проблем, с которой приходится сталкиваться психологу, это иногда частичное, а иногда полное неумение чувствовать. Нам порой приходится потратить год или полтора терапевтической работы с тем, чтобы помочь восстановить простое человеческое чувствование. Например, мы раздаем список чувств, потому что многие люди просто не знают, как назвать свои чувства; особенно трудно с этим у мужчин. Спрашиваешь: «Как вы себя сейчас чувствуете?» - «Нормально». За этим безликим «нормально» иногда стоит попытка скрыть свои чувства, а иногда - эмоциональная пустыня. Человек не видит, не ощущает чувств, у него внутри все как будто покрыто броней. Такое «окамененное бесчувствие» - болезнь современного человека: оно блокирует доступ к любви, к ощущению своей ценности. Какая там радость, какое счастье, если человек давным-давно запретил себе чувствовать и напролом идет к своей цели! Причинами такого душевного состояния являются прежде всего

детские неврозы, психологические травмы и насилие, и преодолеть их непросто. В этой ситуации дневник чувств может быть терапевтическим инструментом.

Времена не выбирают

Многие сейчас говорят, что мы живем в какое-то особо сложное для психики время. Перенасыщенный информацией человек несется на работу, а вечером, приходя домой, не может успокоиться, продолжает барахтаться в информационном потоке, пока, наконец, не заснет, уронив голову на клавиатуру. В таких условиях разве не труднее обнаружить в себе счастье?

Нет, я считаю, что ощутить себя счастливым во все времена было возможно и во все времена было непросто. Не думаю, что наше время чем-то принципиально отличается в этом смысле: оно по-своему сложно, но по-своему просто. Даже в наше время не все люди живут в такой безумной суете. Мы говорим о горожанах, о Москве прежде всего. Но это, как известно, не все человечество и даже не вся Россия. Хотя и в Москве есть много людей, которые живут тихо, медленно, спокойно и без избытка информации. Знаю людей, которые ходят на работу, и работа у них не особенно напряженная, возвращаются домой и ложатся спать. У них ничего не происходит и никакого перенасыщения впечатлениями и информацией нет. Просто все выбирают подходящий образ жизни: кому-то нравится беготня, суета и переизбыток информации, а кому-то комфортно в неспешности и покое. Ведь человек живет, в конечном итоге, так, как хочет.

Правда, некоторые так себя загоняют, что теряют ориентиры и плохо понимают, что соответствует их ритму, их темпераменту. Например, флегматик может ринуться в активную деятельность, и ему сначала даже покажется, что он - как рыба в воде. Но не заставят себя ждать вспышки раздражения, внезапный упадок сил, а потом - ощущение опустошенности. Хорошо, если человек понимает, что он просто оказался не на своей волне, сам с собой не совпадает. Тогда он может сменить сферу деятельности, например, перестать бегать и работать из дома через интернет, и все постепенно придет в норму.

Еще такой загнанный, вечно спешащий горожанин пытается

справиться со стрессом, регулировать свое эмоциональное состояние с помощью разных «технических средств», например, откликается на объявление о занятиях йогой. Можно ли таким образом преодолеть невротические, психотические состояния, найти в себе некую тишину, покой? Наверное, да. Но только к счастью это не имеет отношения. Поэтому познание себя - это очень важно. Построить свою жизнь без самопознания невозможно.

Страдания не больше жизни

Всякие модные нынче психотехники, околовосточные и парарелигиозные практики настраивают человека на то, чтобы избежать страдания. В христианстве подход принципиально иной.

Христиане считают, что счастье произрастает из глубины души, где живет фундаментальное духовное ощущение бытия: «я есть». Это не телесное, не физиологическое, не психологическое, а именно духовное ощущение, переживание своего бытия. И оно в своей силе, в своем первоисточнике настолько сильное, что его не может победить совокупность всех страданий. Но и это не предел. За ощущением бытия стоит Господь, который дал человеку жизнь. И в этом ощущении, в этом созерцании сотворенный Богом человек не ограничен. Как говорят святые отцы, в этом созерцании человек не знает границ и мер, они ему не открыты. И при этом святые отцы своим опытом свидетельствовали, что сначала - жизнь, а потом ее страдания. Если нет жизни, не будет страдания, а если страдание есть, значит, жизнь есть!

Нередко мне приходится сталкиваться с «неисцеленными страданиями». Мать плачет о погибшем сыне, или вдова оплакивает свое горе. Но оплакивание становится постоянным, «неисцелимым». Кажется, что сила горя настолько велика, что выплакать его нельзя.

Но это не так. Сила горя всегда меньше жизни, в которой приключилось горе. Человек может избрать «горевание» своим смыслом жизни, своей главной задачей. Это эмоциональное застревание, фиксация на одной эмоции, когда все остальные чувства подавлены или сведены на нет. Такое упорствование в горе есть род зависимости, способ обретения себя, вывернутый наизнанку, проще говоря - извращение. Горе как способ не жить в жизни.

Помочь таким людям крайне сложно, потому что они закрыты в своем горе, как в скафандре, как в скорлупе, и выходить оттуда не желают. Кроме того, такое горевание зачастую расценивается как нравственный «подвиг», имеет нравственное оправдание, а это - подмена духовной жизни. Горюющая мать или вдова мнят, что они служат таким образом преданности и верности усопшим. А на самом деле - ублажают себя, удовлетворяют свою потребность в эмоциональной близости с личностью усопшего, не отпускают его в мир иной. Им кажется, что, если отпустят близкого от своего сердца, жизнь их окажется пустыней. Вот и берегут свое горе как смысл жизни. А ведь душа их не пустыня, она - рай, оазис, но они не знают об этом, не знают себя.

Мне приходит на ум диалог из «Расторжения брака» К.С. Льюиса: там райское существо объясняет даме из ада, что она своей скорбью по умершему сыну, своими показными страданиями терроризировала всю семью, лишая их жизни. Адама твердит, что материнская любовь - это святое!

Святость и счастье: эти два понятия как будто из разных миропонимании, но они оба о человеке. Человек верующий стремится к святости; человек неверующий стремится к счастью. Два вектора, два пути. Пересекаются ли они? Уверен - пересекаются! Пересекаются в сердце человека. Если сердце чисто и настроено на Божий «камертон», оно не может не быть блаженным. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Богаузрят» (Мф.5:8).

Аскеза и человечность

Христиан часто укоряют в том, что они в большинстве своем - ханжи, а простые люди, мол, в этическом отношении бывают гораздо лучше их. И действительно, тому, кто считает себя христианином, нужно понять: а стал ли ты человеком, скажем, хотя бы в античном представлении? Греки называли четыре добродетели, определяющих человека: рассудительность, мужество, умеренность и справедливость. Имеет ли смысл говорить о том, что человек должен увидеть в себе потенциал человеческого, прежде чем назваться христианином?

Естественная позитивность и сверхъестественная добродетель

Несомненно, это очень важно, так как связано с внутренней динамикой человека. В ней появляются отдельные течения, устремленные в целом к единой цели, но интеллектуальная и эмоциональная сферы внутри человеческой личности по-разному стремятся к счастью. Природные качества человека развиваются в нем, стремясь к логосу природы, как говорил преподобный Максим Исповедник. То есть человек стремится достичь определенной максимы, в нем естественным путем развиваются осознанность, разумность, справедливость, сострадание - формируется человечность. У того, кто трудится над своим характером, усиливается творческое начало, утверждается целеустремленность. Но, конечно же, без мужества человек достичь никогда и ничего не сумеет. Но это еще не добродетели в христианском понимании - это естественная позитивность, соответствующая природе человека. Ведь в полноте достичь позитивности, т. е. естественного движения к добру, может лишь преображенная природа.

Если же мы говорим о природе, искаженной грехом (а именно таковой обладает весь без исключения людской род), тогда мы вынуждены учесть два противоположных импульса внутри человека. С одной стороны, это наше стремление к положительному, к добру, а с другой стороны - неприятная особенность, постоянно препятствующая развитию природных качеств - наша расположенность к греху. Но человеческая природа не полностью искажена грехом, а лишь частично, и вследствие этого одновременно действуют и природное стремление к совершенству, и обратный вектор, влекущий ко греху. Получается, что естественная человеческая позитивность натыкается на такую же греховную человеческую негативность, и эти два начала в человеке присутствуют всегда. Не совсем точно будет сказать, что в формировании характера эти два начала постоянно друг с другом борются. Скорее, человек учится разумно существовать вместе с ними.

Но когда мы говорим о добродетели в христианском представлении, мы имеем в виду сверхприродные качества, а они сами по себе в нас не проявляются. Именно на эти добродетели нацелена христианская

нравственность. Почему так трудно принять евангельские добродетели, основанные на заповедях блаженств Нагорной проповеди? Что значит, например, «блаженны нищие духом»? Или «блаженны плачущие» - разве будет кто-то стремиться к этому, следуя естественным склонностям?

Конечно же, здесь нет соответствия природным человеческим качествам, поэтому «естественным путем», без усилия, эти добродетели принять не получится. Кстати, ничего подобного в античном понимании нравственности, конечно же, не звучало.

Вместо человечности - к высотам Духа?

Следует ли из этого, что христианство отрицает природу человека и его естественных добродетелей? Конечно же, нет.

Но мы знаем, что подвижники ради сверхъестественных добродетелей отказывались от своих естественных стремлений. Это парадоксально, но тем не менее это так: на вершинах созерцания Бога природная данность становится помехой. Поэтому не без оснований считают, что высшая аскетика в какой-то степени может противоречить естественной человечности.

Однако свойства высшей аскетики заключаются в том, что ее невозможно популяризировать, упростить, спустив «уровнем ниже». Высшая аскетика возможна исключительно для тех, кто огромным духовным трудом и благодатью Божьей достиг высот духовной жизни, и никак иначе. Беда современного православия заключается в том, что эту высшую аскетику люди «спустили в подвал», приспособили к обыденной жизни, а это невозможно, как говорится, по определению. Именно поэтому высший аскетизм человеческого духа стал антитезой естественной человечности в быту, в семье, в труде, в социальных отношениях. Возникла странная карикатура - опрощение глубоко духовной православной аскезы, произошедшее в результате того, что об открытиях духа стало известно огромному числу неподготовленных людей. Вот так и получилось, что, с точки зрения обывателя, высшая аскетика выглядит античеловечной, и не только она, но и вообще христианство в целом.

Например, известно, что некоторые подвижники в тяжелой болезни отказывались от лечения, от облегчения своих страданий, позволяли

болезни мучить тело. Такой поступок кажется противоречащим здравому смыслу: жизнь стремится к исцелению - подвижник отказывается от него, жизнь не терпит страданий - подвижник стремится к ним. Для обычных людей это выглядит странным. Но на высотах духа многое кажется противоречивым, и понять смысл добровольных страданий подвижника очень трудно.

Однако то, что для подвижника осмысленно, для христианина начинающего или обычного мирянина невозможно и небезопасно. Подвиг - он не для каждого.

Средневековье, например, стремилось очень четко разделить религиозные уровни человеческого бытия, не перемешивая их. При этом всякое, конечно, случалось, но было понимание необходимости такого разделения. Отрешившись от мирской жизни, монахи занимались духовным деланием, стремились к обожению посредством непрестанной молитвы и высшей аскетики. А мирской человек никогда не углублялся в учение об Иисусовой молитве, он не размышлял о высоких добродетелях смирения, послушания и отречения от своей воли. Все это справедливо почиталось уделом аскетов. Обычный же христианин честно занимался своим делом, чаще исходя из логики человеческой прагматики, и его христианское делание было направлено на исполнение десяти заповедей Моисеевых, как раз и выражающих возможности развития естественных позитивных человеческих качеств, и на исполнение заповедей Евангелия, выражающих нечто большее. Евангельская заповедь Христа о любви воспринималась семейными людьми в первую очередь как призыв быть более человечными, милосердными и внимательными к окружающим.

Если аскетику вынести на площадь

Но в какой-то период все стало смешиваться. Произошло это, видимо, в XIX столетии, когда слова преподобного Серафима Саровского, что целью христианской жизни является стяжание даров Святого Духа, были «вынесены на площадь». Тогда же простолюдин - герой знаменитых «Откровенных рассказов странника своему духовному отцу» начинает рассуждать о плодах Иисусовой молитвы, будучи к этому вовсе не подготовленным. Автор этих рассказов не понимал, что такое созерцание и молитва с точки зрения богословия и всей

предшествующей святоотеческой традиции - той самой традиции, которая, вместе с действием Божественной благодати, привела к исихазму преподобных Нила Сорского, Паи сия Величковского и Серафима Саровского. Но когда высоты их духа были приспособлены, «адаптированы» обывателем к светской жизни, вышла настоящая пародия. «Рассказы странника», а позже объемные издания Сергея Нилуса, став популярными, вносили диссонанс в понимание христианской нравственности. Ну а после семидесяти лет атеизма в России, после упразднения сословий и разрыва церковной традиции репринты книг подобного рода наполнили церковные лавки, и, будучи изданными до революции, они уже поэтому считались «самыми правильными».

Вместо даров Духа - клиника неврозов

Вспомните наших подвижников веры: преподобные Серафим Саровский и Силуан Афонский, архимандрит Софроний (Сахаров), владыка Антоний (Блум). Их опыт аскезы наполнен радостью и слезами умиления, любовью к людям. Вот это, я думаю, плоды предельной аскетики, которая позволяет человеку выйти на вершины бытия. И мы, подражая им, можем избрать девизом для себя Серафимовское: «Христос воскресе, радость моя!» А можем избрать и это: «Мир во зле лежит». Все зависит от вашего выбора: какую веру выбираете, такой она и будет.

Но к концу XX века о стяжании Святого Духа стал рассуждать человек, ничего не понимавший не только в исихазме, но и в самом христианстве. О дарах Святого Духа заговорили так, словно это получение прибавки к пенсии, которую можно заслужить с помощью определенной технологии. Аскетика стала восприниматься как набор определенных инструментов, правильно используя которые, можно преодолеть грех и приблизиться к блаженству. То, что для подвижника было ожиданием милости Божьей, стало «технологией». И вместо исполнения заповедей Божьих, вместо человечности русский православный человек стал стремиться к стяжанию даров Святого Духа через те добродетели, основ которых он не понимал и, кстати, понимать не особенно-то и хотел. И получилось, что христианство в России в своих запутанных выражениях стало противоречить нормальной человечности.

В действительности в самом православном Предании никакого противоречия нет, просто это разные этажи одного и того же здания. И невозможно верхний уровень здания построить на зияющей пустоте; прежде должны быть готовы первый, второй, третий этаж... А строить их тяжело, это требует ежедневных усилий воли. Нижними этажами заниматься человеку «высокодуховному» неинтересно - результаты ожидаются не столь впечатляющие. Другое дело - дары Святого Духа, созерцание, тонкая молитва! Так вот, сразу. Но часто, к сожалению, подобное стремление приводит в клинику неврозов, принося вместо даров психозы и галлюцинации.

Но даже если «высокое духовное делание» не заканчивается столь плачевно, в человеке поглощается стремление к естественной позитивной человечности, к тому самому природному логосу, выражающемуся в трудолюбии, отзывчивости, доброжелательности, мужестве, справедливости, тех качествах, о которых мы говорили вначале. Прежде не развив в себе человечности, конечно, человек никогда и не сможет встать на путь христианской аскезы, особенно если совершает он этот путь не в монастыре или в затворе, а в светском обществе. Это внутриличностное противоречие всегда будет ощущаться как болевая точка, что, конечно, не даст ощущения счастья.

Аскетика, которая ведет человека своим путем к полноте счастья, - это отдельный разговор. Но важно понять, что в высшей своей форме аскетика далеко не для всех доступна. Сама по себе она не является гарантированной дорожкой к бессмертию, потому что источник счастья - в Христовой победе над смертью, а вовсе не в инструментарии.

Миссия жизни

Идеология выживания

То, что произошло с нашим народом в XX веке, это огромная трагедия, результатом которой является духовная катастрофа. Дух людей не умер, но он оказался на грани исчезновения и поэтому приобрел особую форму - форму выживания. Эпиграфом к этой духовной трагедии можно взять слова игумена Никона (Воробьева): «Нам осталось только покаяние». И для многих поколений

священников и мирян уже в наше время эти слова стали лейтмотивом их жизни и деятельности.

Это можно понять, если вспомнить, что в советские годы христианам запрещалось социальное служение, миссионерство, катехизация, воскресные школы, проповедь, помощь бедным и больным и так далее. Оставались только исповедь и причастие. Можно было рано утром потихонечку прийти в храм, покаяться, помолиться, причаститься - и раствориться в толпе. Проповедь запрещена, никаких обсуждений, бесед со священником, чаепитий после службы - ничего нельзя. Вот как, допустим, 7 ноября, в день Октябрьской революции, мы служили до перестройки? Нам приходила строгая инструкция от райисполкома (на самом деле из КГБ, но транслировал ее райисполком): «Чтобы у вас в 8 часов утра двери, ворота и калитка ограды были закрыты и на территории больше ничего не происходило». Мы должны были служить так, чтобы никто нас не видел и не слышал, и быстро разойтись. И приходилось исполнять: настоятель давал распоряжения клиру, часы читали в полшестого, в 6.10 начинали литургию так, чтобы в 7.15 причастились все, потом молебен быстро, и всё - закрыли. Кто-то не слушался, но общий настрой был таков.

За несколько десятилетий все привыкли жить в таких условиях, многие выросли с этим посланием: «Нам осталось только покаяние». И для старшего поколения духовенства и архиереев это до сих пор остается настоящей православной программной деятельностью. Я помню, еще в 1990-е годы, когда уже настало время религиозной свободы, мы говорили про воскресные школы, про катехизацию взрослых, а старшие священники реагировали с подозрением: «Чего это вы выдумали? Это какой-то баптизм». Кстати, справедливости ради надо сказать, что баптисты, несмотря на все запреты советской власти, продолжали заниматься христианским просвещением. Им в 1960-е годы доставалось больше, чем православным; их сажали, но они не сдавались, ходили по домам и предлагали христианскую литературу.

А уж когда кто-то из священников в 1990–2000-е годы ходил с миссионерским словом на рок-концерты, это вообще воспринималось старшими как ужас и мракобесие. Как будто этого никогда в Церкви

не было! Как будто все забыли, как, например, священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский, ходил на заводы, к рабочим. Большевики призывали к забастовке, организации красных дружин, а он проповедовал о том, что надо позаботиться о больных рабочих, о вдовах, которые остались без кормильцев, создать профсоюзные кассы и так далее, то есть владыка вошел в самую гущу социальной жизни и проповедовал там Христа.

Вот с этим девизом: «Нам оставлено только покаяние» - мы, священнослужители, подошли к временам религиозной свободы. Очень медленно, с большим трудом Церковь начинает ощущать, что наша прежняя идеология, идеология выживания, нас давит, тормозит, не пускает в будущее. Разумеется, речь не идет о том, чтобы забыть покаяние - основу христианской жизни, но о том, чтобы переместить акценты, убрав это «только».

«Жизнь жительствует»

Новая полоса в нашей жизни требует уже другого церковного вектора, который можно было бы определить словами святого Иоанна Златоуста: «Жизнь жительствует». Это означает, на мой взгляд, что Православие должно нести людям свет жизни во всем многообразии, как понимает это Церковь. А утверждение жизни - это значит утверждение любви, брака, многочадия, утверждение достатка, строительство домов, расширение профессиональной сферы, активное участие православных христиан в разных областях жизни общества, в том числе в государственном управлении, политике и бизнесе. С бизнесом, к слову, у нас получается как-то странно: с одной стороны, священнослужители хотят, чтобы бизнесмены стали православными и жертвовали на благотворительность, с другой - мы не хотим, чтобы православные стали бизнесменами.

Мы должны отчетливо осознавать, что у Русской Церкви никогда не было столько свободы, как сейчас. Но воспользоваться ею она полностью еще не может. У нас, скажем, пока нет перспективной программы развития Церкви, нам кажется, что Церковь сейчас должна быть примерно такой, как при царе Алексее Михайловиче (как мы это представляем). Но тратить силы на реконструкцию не имеет смысла, надо строить новую жизнь в условиях свободы. Обратите внимание: то, чему посвящает всю свою жизнь Патриарх

Кирилл, направлено, по сути дела, на новую Церковь. Понятно, что речь не идет о нарушении церковной традиции, апостольского преемства. Но посмотрите - все новые документы, которые Церковь приняла: о социальной концепции, о правах и достоинстве человека, об инославных и многие другие, - все эти соборные постановления были бы немыслимы в дореволюционной Церкви. И тон этим документам задан даже не Патриархом Кириллом и не его духовным наставником митрополитом Никодимом (Ротовым); он задан Поместным собором нашей Церкви 1917–1918 годов. В то время это был пик развития свободы Церкви. Важно сегодня продолжить эту линию. Мне кажется, что в первую очередь надо позаботиться об образовательной программе для подготовки нового духовенства, которое должно быть миссионерски настроено, которое бы более всего думало о том, как донести Евангельскую весть до самых разных людей - молодежи, школьников, рабочих, чиновников, врачей, учителей. Пока этого, к сожалению, еще нет; пока мы живем так, как будто «нам осталось только покаяние».

Ведь если так, то тогда не нужно думать о любви, незачем вступать в брак, думать о богословии семьи, богословии интимных отношений, богословии воспитания и так далее. Если нам осталось только покаяние, тогда нам не нужны многочадные семьи. Ведь Церковь с амвона и с общественных трибун призывает: «Рожайте больше детей!» А зачем? Если Церковь живет в последние времена, тогда не нужно ни в брак вступать, ни детей рожать. Остается просто переждать это время с тем, чтобы встретить конец света. Ведь что сейчас часто слышишь от молодых? «Ну я приду в храм, мне скажут: "Этого нельзя, того нельзя"». Таким молодой человек зачастую видит лицо Церкви. С таким подходом нам не стоит рассчитывать на церковную миссию. Мы, конечно, привлечем таким образом некоторых людей, которые согласятся на то, чтобы все время переживать чувство вины, усердно каяться ит. д. А большинство не пойдут, скажут: «Ну да, мы верим в Бога. Мы даже считаем себя христианами. Но все эти запреты в вашей Церкви, постоянная аскеза и самобичевание - не для нас».

Если же мы проповедуем любовь к Церкви, к семье, к детям и так далее, тогда давайте ориентироваться на другой взгляд. Тогда

должно быть православие радости, православие любви и счастья... А может ли вообще быть православие счастья? Это не ересь? Смотря как понимать счастье. Если ожидать, что все будет хорошо (знаете, как девушки говорят: «Ну скажи, что все будет хорошо!»), то это миф. И Православие, конечно, дело иметь с ним не будет.

Счастье - Пасха

А если под счастьем понимать полноту жизни, то да, это как раз про нас, потому что ничего более возвышенного, чем евангельские строки, больше не написано: «войди в радость господина твоего» (Мф.25:21). А современное богословие владыки Антония Сурожского?

Оно тоже пронизано радостью от встречи с Живым Богом. Очень важная миссия Православия сегодня - не просто сказать, а показать людям своей жизнью: «Вот наша вера - вера радости и жизни». Разумеется, мы понимаем, что в жизни много трагичного, печального, достаточно и греха, и страстей, и у нас есть православная программа борьбы со страстями и с грехом. Но у нас есть и другая программа - утверждения жизни и счастья. Она особая, не такая, как у этого мира: не через удовольствия, не через вседозволенность, а через осознание своей природы, своих взаимоотношений с Богом и воспитание себя. Поэтому мы говорим о православии жизни. Сколько бы ни было в жизни горя, а радости все равно больше.

Мы привыкли к слову «счастье», употребляем его часто, к месту и не к месту. Но не надо быть лингвистом, чтобы задуматься над происхождением этого слова: в основе его - корень «часть». «Счастье» - как часть чего-то большего, общего. Чего же? Думаю, для христиан очевидно и радостно обнаружить, что «счастие» и «причастие» - однокоренные и по смыслу очень близкие слова. Участвуя в таинстве Евхаристии, принимая причастие, мы становимся частью Тела Христова, соединяемся с Ним - и так входим в полноту счастья.

Счастье по-христиански - это Пасха! Воскресение Христово - это победа жизни над смертью, это победа любви над враждой. Счастье христианина - это уверенность в бессмертии, упование на жизнь, на любовь.

Сквозь все страдания мира счастье светит, потому что Христос победил смерть! Оно светит сквозь черноту предательств и цинизма, потому что Господь есть любовь! Счастье никогда не уходит из сердца человеческого, потому что Бог Своею благодатью присутствует в каждом сердце. И даже тогда, когда последняя надежда утекает со слезами, капля счастья тихо напоминает человеку, что оно есть.

Счастье будет светить всегда, потому что любовь побеждает уныние и страх, потому что любовь сильнее, потому что любовь, как говорит апостол Павел из своего опыта, «никогда не перестает» (1Кор.13:8).

Об авторе

Протоиерей Андрей Лоргус - клирик храма Святителя Николая на Трех Горах, прежде служил в храме Илии Обыденного, в Высоко-Петровском монастыре, в психоневрологическом интернате.

Родился в 1956 году. Работал слесарем, бульдозеристом, старателем, грузчиком, лаборантом, дворником, сторожем, чтецом в храме.

В 1982 году окончил факультет психологии МГУ. В 1988 году рукоположен в дьяконы. В 1991 году окончил Московскую духовную семинарию. В священники рукоположен в 1993 году.

Был деканом факультета психологии Российского православного университета Иоанна Богослова. С 1996 года преподает антропологию и христианскую психологию в МГУ, в Российском православном университете, в Институте христианской психологии. В настоящее время является ректором Института христианской психологии. Читает авторские курсы: «Православная антропология», «Духовный путь личности», «Богословие языка и речи», «Психопатология религиозной жизни» и другие.

Занимается психологическим консультированием. Главные направления научных интересов - психология личности и семейная психология.

С 2010 года читает лекции по семейной психологии в интернете на платформе Webinar.

издательство "Никея"